PR 5202
.N3
1818
ch.1-2

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class ~~PR 4002~~
Book ~~.C68~~

YUDIN COLLECTION

Radcliffe, Ann Ward
"Naslědnitsa Montal'da

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА.

или

ПРИВИДѢНІЕ И ТАИНСТВА ЗАМКА БЕЗАНТО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сочиненіе Анны Радклифъ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА, 1818.
Въ Университетской Типографіи.

PR5202
.N3
1818
ч.1-2

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенiя, два экземпляра для Императорской публичной Библiотеки и одинъ для Императорской Академiи Наукъ. Декабря дня 1816 года.

Медицины Докторъ и Профессоръ
П. О Василiй Котельницкiй.

22 3 July 74

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА.

ГЛАВА I.

Въ первые дни осени 1787 года освободилась я отъ продолжительной болѣзни, которая произвела значительную перемѣну въ моемъ здоровьѣ; я была слаба и томна, чувствовала нужду дышать чистымъ воздухомъ подъ яснымъ небомъ: для этого врачи совѣтовали моему родителю позволить мнѣ отправиться въ Южную Францію, и тамъ избрать, для моего пребыванія, щасливую провинцію Лангедокъ, гдѣ климатъ самый цѣлительный. Батюшка, которой любилъ меня несказанно и которой давно уже имѣлъ намѣреніе побывать въ сихъ, смѣющихся, мѣстахъ, съ радостію принялся за это средство, поправить мое здоровье.

Прекрасная весна, въ соединеніи съ такимъ обстоятельствомъ, и живѣйшее желаніе, увидѣть каналъ Лангедокскій; — этотъ славный памятникъ, приводящій въ изумленіе путешественниковъ всѣхъ націй, и котораго полезность даетъ право основателямъ его на вѣчную признательность; всѣ сіи побудительныя причины произвели въ немъ рѣшительность, поспѣшить приготовленіями къ нашему отъѣзду.

Родитель мой съ начала избралъ было для нашего жилища городъ Тулузу, лежащій по берегамъ Гаронны не далѣе, какъ на четверть мили отъ канала, и гдѣ при томъ имѣли жительство многіе изъ его друзей; но изъ уваженія къ состоянію моего здоровья, и зная, что воздухъ въ Монпельерѣ гораздо лучше, и что въ семъ городѣ, какъ мѣстѣ пребыванія одного, прославившагося, врачебнаго факультета, я найду болѣе для себя удобностей, какихъ требовало мое положеніе. -- Онъ отложилъ поѣздку въ Тулузу до времени моего совершеннаго выздоровленія, и такимъ образомъ мы остановились жить въ Монпельерѣ.

Во время нашего пребыванія въ семъ городѣ, познакомилась я съ одною молодою Италіанкою, которая также, какъ и я, пріѣхала сюда, для поправленія своего здоровья: это была женщина, самая занимательная и самая любезная изъ всѣхъ, которыхъ я знала: она была почти одинакихъ со мною лѣтъ, (то есть осьмнадцати, или девятнадцати) большаго росту, стройна и съ пріятною благородною поступью; большіе голубые глаза ея сіяли небесною кротостію; ея прекрасные свѣтлые волосы, извиваясь въ локонахъ, касались пояса; ни что не могло равняться нѣжности тѣла ея, котораго бѣлизна не уступала цвѣту лилій. Съ такими физическими прелестями соединяла она всѣ совершенства нравственныя: образованный разумъ, вѣжливое обращеніе, кротость характера: все въ ней плѣняло, — все дѣлало ее совершеннѣйшею въ свѣтѣ особою.

Мѣсяцевъ за шесть до того времени, вышла она за мужъ за Графа де ла Розу, Италіанскаго дворянина, лѣтъ около сорока, хотя не прекраснаго собою; однако жь съ пріятною наружностію, и котораго благородный, дружественный и весьма человѣколюбивый характеръ всякому, кто только спознавался съ нимъ, внушалъ къ нему уваженіе.

Молодою Графинею, которую станемъ называть Пальмирою, обладало какое то уныніе, отъ котораго она часто дѣлалась больною, и которое врачи Италіанскіе присовѣтовали разсѣять въ благорастворенномъ воздухѣ Лангедока, имянно въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ Монпельеръ. Графъ, супругъ ея находился съ нею; своими ласками и предъупредительными угожденіями онъ показывалъ самое заботливое къ ней вниманіе; однако жъ ея здѣсь пребываніе, какъ мнѣ казалось, не производило никакой перемѣны въ ея состояніи, и, помоему мнѣнію, немощи, часто ей приключавшіяся, не отъ другаго чего происходили, какъ отъ того положенія, въ которомъ я ее видѣла, и которое Графа заставляло надѣяться скоро получить наслѣдника своему имѣнію и своимъ титламъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ я свела знакомство съ привлекательною Палмирою, замѣтила я изъ ласкъ ея, что она чувствовала ко мнѣ особенную привязанность; со мною только съ примѣтнымъ стараніемъ искала она свиданій. Для меня лѣстно было такое предпочтеніе со стороны Графини де ла Розы, которая въ весьма короткое время приняла меня въ маленькой кругъ особъ, болѣе ею любимыхъ; и скажу, что ея усердіе, ея нѣжная дружба, а еще болѣе ея нещастія, напечатлѣли въ сердцѣ моемъ такія черты, которыя никогда не загладятся.

Палмира неотступно просила меня проводить съ нею все то время, которымъ батюшка позволилъ мнѣ располагать: мой, отчасти меланхолической, характеръ подходилъ къ ея свойству и настоящему расположенію души ея: мы обѣ любили сельскія прогулки; обѣ удивлялись природѣ въ ея различныхъ произведеніяхъ и красотахъ; обѣ, удаляясь блестящихъ обществъ, гдѣ царствовали однѣ праздность и гордость, предпочитали имъ бесѣды съ моимъ родителемъ, и находили пріятное занятіе, слушая его описанія о Лангедокскомъ каналѣ и о важной пользѣ сего величайшаго памятника человѣческихъ усилій, бывшаго тогда главнымъ предметомъ разговоровъ его съ нами. Одна только симпатія чувствъ, которая царствовала между Палмирою и мною, могла возродить такое почтеніе и такую нѣжную дружбу, взаимно насъ одну къ другой привязывавшія.

Уже нѣсколько разъ я заставала ее въ глубокой печали, которую она старалась отъ меня таить. Напрасно я усиливалась угадать причину сихъ частыхъ припадковъ грусти, которыя обнаруживались иногда въ самомъ горестномъ видѣ, всегда оканчиваясь источникомъ слезъ, принуждавшихъ ее при мнѣ вскакивать съ мѣста, въ намѣреніи скрыть отъ меня оныя. Ничего на свѣтѣ не пожалѣла бы я, чтобы узнать вину сей печали, и придти въ состояніе, доставить ей хотя нѣкоторое утѣшеніе; потому что не могла повѣрить, что бы она происходила отъ припадковъ ея беременности; и однако жъ боялась показаться нескромною, вздумавши спрашивать у ней объ истинной причинѣ оной; связь наша была еще такъ нова, что я не могла позволить себѣ такой вольности.

Прошелъ уже мѣсяцъ, со времени прїѣзда моего въ Монпельеръ; здоровье мое, казалось, пришло въ лучшее состояніе, и это была несомнѣнная правда; тогда батюшка предложилъ мнѣ пуститься въ нашъ путь; но мнѣ почти нетерпѣливо хотѣлось проѣхать дикія мѣста Пиринейскихъ горъ. — Я открылась ему въ этомъ; онъ согласился на мое желаніе, и день нашего отъѣзда былъ назначенъ.

Я пришла къ своей милой Палмирѣ увѣдомить ее о скорой нашей разлукѣ, и сказала ей, куда мой батюшка и я приготовляемся отправиться. Палмира дала мнѣ знать, что она желаетъ съ нами туда ѣхать, увѣряя меня, что давно уже хочется ей посмотрѣть сіи горы, къ которымъ никогда не была она близка, далѣе Монпельера. „Можетъ статься, прибавила она, что я не буду имѣть другаго случая сдѣлать эту прогулку въ столь пріятномъ сотовариществѣ, и мнѣ прискорбно было бы возвратиться отсюда на свою сторону, не удовлетворивши себя въ этомъ предметѣ. Я поговорю Графу, который конечно не откажется сдѣлать мнѣ и въ этомъ угожденіе: при томъ надѣюсь, что горный воздухъ будетъ для меня дѣйствительнѣе здѣшняго; по тому-что не примѣчаю, что бы здоровье мое стало лучше, нежели каково было при моемъ сюда пріѣздѣ.‟

Когда Палмира открыла мужу свое желаніе; то съ радостію услышала отъ него, что онъ не только не думаетъ противиться оному, но и самъ искренно желаетъ имѣть удовольствіе, сопровождать ихъ въ семъ путешествіи; по чему немедлѣнно сдѣланы были всѣ нужныя для сего распоряженія между Графомъ и родителемъ моимъ, которой, предположивъ останавливаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ той стороны, въ которыхъ не щиталъ приличнымъ оставаться при немъ своей дочери, объявилъ мнѣ, что я, посѣтивши сказанныя горы, должна буду не замѣдлить пріѣхать къ нему въ Тулузу, и что оттуда черезъ Альпы отправимся мы въ Италію.

Палмира изъявила мнѣ живѣйшую радость, когда узнала о сихъ новыхъ намѣреніяхъ моего родителя; но послѣ не могла успокоиться, не получивъ отъ насъ согласія на прозьбу свою, — провести въ ея домѣ все лѣто.

Наконецъ минута нашего отъѣзда наступила; лучь веселости, казалось, одушевилъ черты Палмиры и освободилъ ее навсегда отъ меланхоліи: она улыбалась, взирая на плѣнительныя виды, представляемые природою, которой восхитительныя картины являли въ сихъ мѣстахъ все ея богатство и роскошь: вдоль берегу Средиземнаго Моря глаза ея пробѣгали съ одной стороны сію обширнѣйшую [illegible]знину, которой поверхность, укрываясь отъ взору въ чрезвычайномъ отдаленіи, какъ будто соединялась съ небомъ, образуя горизонтъ; съ другой прекрасныя долины, прелестными лѣсочками пересѣкаемыя, и насажденныя по мѣстамъ плодовитыми, вѣчно зеленѣющими деревьями разныхъ родовъ: здѣсь виноградные сады, обильнѣйшіе своими плодами, во время ихъ созрѣнія, представляютъ взору необычайной величины грозды, которыхъ божественный Нектаръ восхищалъ нѣкогда воображеніе древнихъ Трубадуровъ; а нынѣ занимаетъ сію непринужденную, замысловатую веселость, отличающую характеръ обитателей сей щастливой стороны; тамъ множество великолѣпныхъ замковъ и сельскихъ домовъ, гдѣ богатый Дворянинъ и трудолюбивый разночинецъ, соскучивъ, одинъ своимъ честолюбіемъ и смутами вѣчно безпокойнаго двора; другой корыстолюбивыми расчетами торговыхъ промысловъ, или дѣятельною жизнію, посвященною тягостнымъ работамъ образованнаго разума, пріѣзжаютъ отдохнуть и насладиться прелестнымъ зрѣлищемъ въ нѣдрѣ самой природы, О! какое сердечное восхищеніе чувствовала я, взирая на удивительное плодородіе сихъ долинъ и разнообразность ихъ видовъ! Палмира призналась мнѣ, что душа ея никогда не вкушала такого наслажденія, какъ во время путешествія по симъ горамъ; въ самомъ дѣлѣ, она какъ будто ожила и совершенно возвратила свое здоровье и даже нѣкоторую веселость.

Мы пріѣхали въ Лекватъ, гдѣ рѣшились провести четыре дня до отправленія нашего далѣе въ Руссильонъ. Во второй день пріѣзжаетъ съ великою поспѣшностію слуга и спрашиваетъ Графа де ла Розу; онъ вручаетъ ему письмо, говоря, что теперь же ожидаетъ отвѣта. Графъ разламываетъ печать, развертываетъ письмо и читаетъ. Лишь только пробѣжалъ онъ нѣсколько строкъ. . . Въ какое пришла я удивленіе! . . . Лице его покрывается блѣдностію, черты его перемѣняются, бумага дрожитъ въ его рукѣ . . . ; Онъ слабѣетъ и упадаетъ въ кресла, въ которыхъ нѣсколько минутъ кажется погруженнымъ въ самыя печальныя размышленія. Палмира, которая въ эту минуту, сидя у окошка, срисовывала одинъ сельской видъ, не замѣтила сей тревожной и горестной сцены, которая, безъ сомнѣнія, ее испугала бы. Наконецъ Графъ, очувствовавшись, встаетъ, подходитъ къ своей супругѣ и говоритъ ей ласковымъ, но нетвердымъ тономъ: „Палмира! я получилъ новости, которыя препятствуютъ продолжать наше путешествіе по Пиринейскимъ горамъ; дѣла весьма важныя отзываютъ меня въ Италію, куда отложить отъѣздъ мнѣ никакъ не возможно. Однакожъ я не желаю, чтобы этотъ случай помѣшалъ удовлетворить вашему любопытству, — увидѣть все, достопамятное въ сихъ горахъ.“

— „Синьоръ! — отвѣчала Палмира; вы должны быть увѣрены, что я расположена столько времени продолжать свое путешествіе, сколько вамъ угодно будетъ провожать меня.“

— „Нѣтъ, моя милая! сказалъ Графъ, не лишайте себя удовольствія, которое съ такою пользою занимаетъ васъ?“ Онъ предался опять глубокимъ размышленіямъ.

— „Но мнѣ кажется, возразила Палмира, не прилично молодой женщинѣ разъѣзжать безъ своего мужа; и я столько дорожу, какъ вашею, такъ и моею честію, что не хочу подать какого нибудь повода къ злословію. Нѣтъ, Синьоръ! я безъ васъ не поѣду далѣе; и естьли вы рѣшаетесь отправиться назадъ; то и я послѣдую за вами; Миссъ Клиноръ, (посмотрѣвъ на меня), извинитъ въ сей для нея непріятности, и я въ этомъ увѣрена. . . . . . Но что значитъ ваше смущеніе? Скажите, не оскорбила ли я васъ своимъ замѣчаніемъ?"

— „Какъ, вы?" спросилъ Графъ, стараясь казаться спокойнымъ; „конечно, Палмира, вы ошибаетесь! естьли щитаете меня способнымъ думать, что вы хотѣли о печалить меня: я размышляю о средствахъ согласоваться съ вашими желаніями. . . . . Позвольте выттти написать нѣсколько строкъ?"

Графъ съ поспѣшностію удалился, приказавши пріѣхавшему дожидаться его отвѣта.

Черезъ полчаса онъ вошелъ опять въ весьма сильномъ душевномъ волненіи. Онъ вручилъ посланному пакетъ, и отпустилъ его, не сказавъ ему и трехъ словъ: потомъ, скорыми шагами ходя по комнатѣ, говорилъ что то про себя; видъ его былъ самой смущенной; онъ часто ударялъ себя въ лобъ, какъ будто въ чемъ нибудь раскаивался; наше присутствіе казалось ему въ тягость: въ немъ не видно уже было той вѣжливости, той любезности, съ какою старался онъ угождать всякому, — а особливо своей супругѣ: съ сей минуты она замѣтила въ немъ даже нѣкоторую къ ней холодность, которая погружала также и ее въ глубокую задумчивость.

Батюшка былъ въ отсутствіи, когда Графъ получилъ письмо, причинившее въ немъ столь нечаянную перемѣну; онъ ничего не зналъ объ этомъ произшествіи, ни даже объ отсрочкѣ нашего путешествія по горамъ, о которой я не щитала нужнымъ уведомлять его до рѣшительной минуты.

Прошло два дни, Графъ все еще оставался въ душевномъ волненіи и холодности къ своей супругѣ; а мы обѣ въ печали и невѣдѣніи о, столь желаемой, нашей прогулкѣ. Меня чрезвычайно занимало странное поведеніе этого человѣка, которой, за нѣсколько минутъ до полученія нещастнаго письма, оказывалъ ко мнѣ самое почтительное и самое искреннее вниманіе; а дорогой своей Пальмирѣ расточалъ самыя нѣжныя ласки. Напрасно старалась я проникнуть въ побудительныя причины, которыя столь непредвидѣнно могли нарушить наше спокойствіе; не въ состояніи бывши основаться на какой нибудь догадкѣ, я терялась въ разныхъ, приходившихъ мнѣ въ голову, мысляхъ.

Вдругъ и противу всякаго чаянія общее неудовольствіе, ставшее столь явнымъ, будтобы изчезло; дано было знать объ отъѣздѣ къ горамъ: это возвратило на лица наши веселость; однако жь въ Физіономіи Графа примѣтна была печать стѣсненной скорби; но которую онъ старался таить, принуждая себя съ такимъ напряженіемъ быть веселымъ, что Палмирѣ и мнѣ казалось это не весьма натуральнымъ.

Тогда было двенадцать часовъ утра, когда мы начали всходить на сіи дикія пустынныя мѣста. Погода была тихая; небо чисто и безоблачно; земной шаръ оканчивалъ уже половину своего дневнаго кругообращенія, и солнце, возвышаясь прямо надъ нами, давало удобность глазамъ нашимъ пробѣгать, едва измѣримое, пространство, со всѣхъ сторонъ отдѣлявшее насъ горизонтомъ. „Какое благоговѣніе внушаетъ это зрѣлище!" вскричала чувствительная Палмира, находясь въ положеніи созерцающей: „какъ возвышаетъ оно душу и располагаетъ ее признавать великость твореній Всевышняго!" . . . . Внизу, почти подъ нами, представлялось море, на подобіе, до удивленія обширной и въ ужасъ приводящей, пропасти; спокойныя воды его, отсвѣчивая лазурь неба, позволяли въ тишинѣ плыть величественно множеству кораблей. Видя дремоту сей вѣроломной стихіи и безмолвное спокойствіе, царствовавшее вокругъ насъ, мы едва могли вѣрить, что такое состояніе въ одну минуту можетъ перемѣниться въ страшную бурю.

Нѣсколько уже часовъ бродили мы по горамъ, покрытымъ соснами и лиственницами, какъ проводникъ нашъ повелъ насъ извилистою тропинкою; и мы тотчасъ увидѣли передъ собою самый прекрасный и самый романическій лѣсокъ, какой только можно вообразить. —

Иной сказалъ бы, что природа имѣла удовольствіе нарочно собрать здѣсь самыя рѣдкія и самыя цѣлительныя растѣнія. — Мѣстоположенія самыя живописныя и самыя разнообразныя въ красотахъ своихъ; все въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ восхищаетъ духъ и даетъ сердцу чувствовать самыя сладостныя движенія. Палмира пожелала остановиться въ семъ прелестномъ лѣсочкѣ; всякой раздѣлялъ съ нею такое желаніе; и мы хорошо отдохнули, сѣвши на траву подъ тѣнію высокаго кедра.

Этотъ день проведенъ былъ весьма весело. Съ наступающею ночью мы достигли деревеньки въ окрестностяхъ Кастольйона. Мы, нѣсколько уставши, рѣшились остаться вѣ ней до утра; хотя это жилище не имѣло никакого удобнаго для путешественниковѣ ночлега, находясь вѣ отдаленіи отѣ дорогѣ. Мы вошли на удачу вѣ одну хижину, которой жители за нѣкоторую значительную сумму денегѣ, имѣ нами предложенную, согласились уступить намѣ свои постели.

Слѣдующій день былѣ такѣ же прекрасенѣ, какѣ и первый. Кѣ вечеру сошли мы вѣ превосходнѣйшую долину Кампанскую; здѣсь провели мы одну изѣ самыхѣ пріятныхѣ сельскихѣ ночей между веселыми и гостепріимными жителями, которые сѣ радостію взялись сообщить намѣ, желаемыя, свѣденія о состояніи сихъ мѣстъ, и предложили намъ все, чѣмъ думали быть намъ полезными. Мы почти съ сожалѣніемъ ихъ оставили. — Столько-то пріобрели отъ насъ уваженія деревенская ихъ привѣтливость и ихъ простое искреннее обхожденіе, и такую-то заслужили отъ насъ благодарность! —

Третья ночь наша не столь была благопріятна. Мы весьма далеко зашли въ горы, какъ наконецъ, обратясь къ западу, увидѣли, что солнце уже опускалось къ небосклону; тогда взоры наши блуждали вокругъ, желая открыть какое нибудь жилище, но напрасно: мы ни одного не видѣли. Въ нѣсколько минутъ атмосфера покрылась тучами; густой мракъ распространился повсюду, нельзя было различить ни одного предмета; мы внимательно прислушиваемся, не отзывается ли гдѣ нибудь лай собаки, или голосъ какого нибудь другаго домашняго животнаго? Безполезное стараніе! Вездѣ царствуетъ самая печальная тишина; все казалось мертвымъ, кромѣ насъ. -- Палмира, утомившись и начавши безпокоиться, желала отдыха; и страхъ ея увеличился, когда нашъ вожатый объявилъ, что мы такъ отдалились отъ жилья, что прежде дня не можемъ ни гдѣ расположиться: и такъ надлежало намъ пособить себѣ чѣмъ нибудь видимымъ въ тогдашнемъ нашемъ положеніи; мы залѣзли въ ущелину каменной горы и ожидали тамъ съ нетерпѣніемъ возвращенія зари.

Эта ночь, проведенная такимъ образомъ, послужила для насъ урокомъ, — болѣе заботиться съ сихъ поръ о будущемъ; она такъ же отняла у насъ охоту продолжать прогулки наши далѣе въ сіи горы. Палмира и я почли себя удовлетворенными всемъ, что мы здѣсь видѣли и разсмотрѣли; и такъ на разсвѣтѣ дня мы тотчасъ оставили, природою предложенный намъ, ночлегъ, и простились съ дикими и величественными Пиринеями.

Дорога, по которой пустились мы въ обратной путь, привела насъ въ Лурдъ; отсюда отправились мы далѣе, приказавши вожатому провести насъ на дорогу Тулузскую. Въ пять часовъ утра мы достигли Мовезина; тамъ вошли въ одинъ домикъ, которой показался намъ крестьянскимъ; ибо хозяева готовились отправиться на работу въ поле. — Мы сказали имъ, что очень устали, и имѣемъ нужду въ отдыхѣ. Въ ту же минуту приготовлены были для насъ постели, и сонъ, которымъ наслаждались до ихъ возвращенія, вознаградилъ насъ за, худо проведенную, ночь: мы не прежде оставили сихъ добрыхъ людей, какъ на другое утро, и поѣхали прямо въ Тулузу, гдѣ были приняты друзьями моего батюшки съ изъявленіями искренней радости.

Скоро начала я скучать пребываніемъ нашимъ въ семъ городѣ, не потому, что бы могла жаловаться на обращеніе нашихъ угостителей, оно не могло быть ласковѣе и услужливѣе; но унылость моего характера не въ состояніи была примѣниться къ тону блестящихъ свѣтскихъ обществъ, нами посѣщаемыхъ. Палмира чувствовала еще большую скуку; по чему я увидѣла себя совершенно въ противныхъ обстоятельствахъ. Однажды, когда мы были безъ свидѣтелей, открылась она мнѣ въ своей грусти, сказавъ, что не можетъ привыкнуть къ шумности такихъ обществъ, и что имѣетъ совсѣмъ другія желанія, относительно къ будущему времени. Она заклинала меня не такъ скоро оставлять ее и поѣхать съ нею въ Италію, увѣряя, что графъ, имѣя дѣла, настоятельно принуждающія его отлучиться на нѣсколько времени, какъ скоро проводитъ ее въ, принадлежащій ему увеселительный, домъ, далъ ей замѣтить свое, въ разсужденіи этого, желаніе, прибавивъ, что онъ очень знаетъ привязанность ея ко мнѣ, и предвидитъ тоску, которую причинитъ ей наша разлука; особливо, когда она останется безъ подруги и, такъ сказать, безъ всякаго развлеченія.

Сіе предложеніе полюбилось мнѣ тѣмъ болѣе, что Пальмира была уже ко мнѣ привязана самою нѣжною дружбою: естьли она явно показывала, что не можетъ безъ меня обойтись;

что я, съ своей стороны, чувствовала, что дорого будетъ стоить мнѣ разлука съ нею: чѣмъ больше я познавала ее; тѣмъ любезнѣе она для меня становилась, и тѣмъ болѣе, казалось, получала она права на все мое къ ней вниманіе. Я просила ее поговорить самой съ моимъ родителемъ объ этомъ намѣреніи, увѣряя, что онъ ни мало не будетъ тому противиться; потому что я очень знала, сколь дорого цѣнилъ онъ достоинство Палмиры, и сколь высокое имѣлъ къ ней уваженіе. Ахъ! и могъ ли кто отказать ей, выслушавши какую нибудь ея просьбу? . . .

Мы пошли вмѣстѣ къ батюшкѣ, который сказалъ мнѣ, что нѣкто Баронъ Л * * * желаетъ сопровождать его въ путешествіи вдоль по каналу. Я намѣкнула ему, что, можетъ быть, не совсѣмъ прилично будетъ для меня слѣдовать за ними, и въ тоже время призналась въ отвращеніи своемъ оставаться, въ продолженіи его отсутствія, въ Тулузѣ. Пальмира, воспользовавшись этою минутою, предложила просьбу свою съ такою пріятностію и съ такимъ убѣжденіемъ, что батюшка (однако жь послѣ многихъ отговорокъ, свидѣтельствовавшихъ о нѣжной его, въ разсужденіи меня, заботливости) далъ свое согласіе; я обняла его въ доказательство моей благодарности. —

Мы остались на недѣлю въ Тулузѣ. День батюшкина отъѣзда къ каналу былъ тотъ же, которой Графъ назначилъ для нашего. Сей день наступилъ; завтракъ былъ въ собраніи друзей той и другой стороны; за столомъ господствовала веселость, и пили съ обѣихъ сторонъ тосты о благополучномъ пути. Въ минуту разлуки нѣжнѣйшимъ образомъ разпрощались мы съ батюшкою, и проводники наши отправились каждой по своей дорогѣ.

Графъ скоро предался опять своей задумчивости, которая увеличивалась по той мѣрѣ, какъ мы уѣзжали далѣе. Мы замѣтили въ немъ не обыкновенную ко всему нечувствительность; самая жизнь, казалось, была для него тягостна. Палмира и я употребляли всѣ средства разсѣять его мрачныя мысли; напрасно старались мы развѣселить его забавными разсказами и шутками: не возможно было не только разсмѣшить его, но даже и заставить говорить: естьли принимались мы обратить его вниманіе на красоту, окружавшихъ насъ, мѣстоположеній; то онъ едва удостоивалъ бросать бѣглой взоръ на тѣ изъ нихъ, которыя ему указывали, отвѣчая сухо и по одному слову на всѣ наши вопросы. Чувствительная Пальмира становится опять печальною; потому что развлеченія, которыя доставляло ей пребываніе въ Тулузѣ, только на время удалили отъ нея всегдашнюю скорбь. Странность мужнина поведенія не только оную возвратила, но еще болѣе усилила; мучительно было для нея видѣть, что онъ даже и ко мнѣ сдѣлался совершенно не внимателенъ.

Въ Валенціи уныніе Графа взяло такую силу, что мы начали безпокоиться даже о его здоровьѣ. Палмира, божественный голосъ которой укротилъ бы тигра и оживилъ бы умирающаго, подошедши однажды къ своему супругу, съ трогательною нѣжностію спрашивала его, не боленъ ли онъ? — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ голосомъ плачевнымъ, и тяжко вздохнувъ; потомъ стремительно вскочивъ со стула, оставилъ комнату съ такимъ душевнымъ волненіемъ, которое напрасно старался отъ нея скрыть. На сей разъ Палмира не могла уже владѣть собою. — Задыхаясь отъ рыданій, она упала на софу въ самомъ горестномъ положеніи; въ груди ея давно уже гнѣздилась жестокая скорбь, которую, стѣсняя въ себѣ, силилась подавить; но это *нѣтъ*, произнесенное такъ ужасно, и примѣченное въ немъ волненіе растерзали ея нѣжное сердце; источникъ слезъ полился изъ прекрасныхъ ея глазъ, которыя природа, казалось, открыла для того, чтобы видѣть свѣтъ дней, — болѣе щастливыхъ. О, Палмира! какъ страдалъ другъ твой при видѣ твоихъ сѣтованій! Каждое твое всхлипываніе раздирало мою внутренность! . . . . Ты чувствовала слезы мои, сливавшіяся вмѣстѣ съ твоими, и я имѣла горесть видѣть источникъ оныхъ, изсякшимъ прежде, нежели была въ состояніи облегчить твое мученіе. . . .

Съ этой минуты Палмира не могла уже болѣе сокрывать тоски своей; глаза ея не переставали утопать въ горькихъ слезахъ, которыя теперь проливала она уже явно; но безмолвныя уста ея не произнесли ни малѣйшей жалобы противъ ея супруга; сердце ея было такъ добро, что боялось даже подать ему и мысль объ этомъ.

Я рѣшилась прервать такое молчаніе, которое до сихъ поръ щитала нужнымъ наблюдать. — „Мой милой другъ!“ сказала я Палмирѣ, „вы не можете сомнѣваться въ нѣжныхъ чувствованіяхъ, произведенныхъ вами въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, когда удостоили меня вашего драгоцѣннаго дружества: жалостное состояніе, въ какомъ васъ вижу, крайне для меня больно; простите меня, что я стараюсь облегчать вашу и мою горесть такимъ изъясненіемъ, которое, во всякомъ другомъ случаѣ, могли бы вы почесть не скромнымъ. Признаюсь, что поведеніе Графа съ нѣкотораго времяни кажется мнѣ чудеснымъ!"

— „Оно подлинно чудесно," сказала Палмира, вздохнувши.

— „Эта таинственная и мрачная грусть, въ которую онъ погруженъ безпрестанно, кажется, заставляетъ васъ страдать, дѣлая самою нещастною супругою, боюсь. . . "

— "Самою нещастною!" прервала она съ живостію; "я надѣялась, что никто, кромѣ меня, не знаетъ этой истинны."

— "Я осмѣливаюсь сомнѣваться, чтобы Графъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, что я провожаю васъ въ Италію?"

— "Ахъ! не сомнѣвайтесь" отвѣчала Палмира съ нѣжностію; "онъ самъ, какъ будто проникнувъ мои мысли, предложилъ мнѣ поговорить вамъ объ этомъ. Естьли бъ надлежало мнѣ васъ лишиться; то это конечно было бы для меня мучительно; но я съ твердостію перенесла бы сію жертву, когда бъ не увѣрена была, что

Графу пріятно имѣть васъ при мнѣ.“

— „Признаюсь, мой любезной другъ! естьли бъ я думала, что мое присутствіе подлинно не нравится Графу, и что оно причиняетъ вамъ хотя малѣйшее неудовольствіе; то я тотъчасъ бы возвратилась въ Тулузу.“ Входъ Графа не далъ мнѣ прододолжать говорить, и я оставила его съ моимъ другомъ.

* * *

ГЛАВА II.

Не знаю, что было предметомъ разговора Графова съ Палмирою во время моего отсутствія; но часъ завтрака призвалъ меня въ столовую залу, куда за мною вошелъ и Графъ; онъ, подошедши ко мнѣ съ видомъ, менѣе печальнымъ, привѣтствовалъ меня самымъ почтительнымъ образомъ. „Я очень сожалѣю, сударыня!“ „сказалъ онъ „что мое обращеніе заставило васъ подумать, будто бы ваша компанія для меня не пріятна; я въ грусти своей до того забылся, что, можетъ быть, показался противу васъ весьма невѣжливымъ; однако жь будьте увѣрены, что я столько же васъ, уважаю, сколько сама Палмира. Прошу простить моему, смутившемуся, разуму; онъ только одинъ могъ возбудить въ васъ такія подозрѣнія, которыя крайне будутъ для меня оскорбительны, естьли ихъ не оставите; потому что я признаю ваши достоинства и высоко цѣню ихъ, въ чемъ теперь торжественно васъ увѣряю. Но, ахъ! любезная Миссъ . . . , Я совершенно нещастливъ. . . . такъ — совершенно нещастливъ! — Я получилъ такія извѣстія, которыя навсегда лишили меня душевнаго спокойствія; естьли бъ вы знали ихъ; то пожалѣли бы обо мнѣ. . . . Очень, очень пожалѣли бы! . . . ." Здѣсь онъ замолчалъ, и закрылъ руками лице свое: нѣсколько глубокихъ вздоховъ вылетѣло изъ его груди; потомъ началъ опять: „есть созданія, которыя гнать любитъ жестокая судьба . . . . . . но сердце человѣческое особенно избрала оно для того, чтобы напоять его лютѣйшими ядами . . . . Въ сію же минуту чувствую это во всей ужаснѣйшей силѣ и не имѣю возможности получить облегченіе, изливъ тоску въ грудь моей Палмиры. . . . Нѣтъ! — настоящее положеніе Палмиры не позволяетъ мнѣ дать ей знать о причинѣ скорби моей. Напрасно употреблялъ я усилія скрывать происходившее въ душѣ моей; внутреннія терзанія часто мнѣ измѣняли и обнаруживались. Тогда только могу я надѣяться нѣсколько успокоить себя; когда пріѣду въ Замокъ Безанто, куда призываютъ меня тайныя дѣла, предметъ моихъ заботъ: мнѣ должно тотчасъ туда отправиться, какъ скоро провожу Палмиру. . . (онъ тяжело вздохнулъ) . . . въ мой Замокъ Тортону. — Все, что я теперь открылъ вамъ, должно васъ убѣдить въ моемъ уваженіи и моей довѣренности къ ваешй особѣ; ни съ кѣмъ другимъ не говорилъ бы я такимъ языкомъ. Желаю, что бы тайна моя была хранима со всею осторожностію; заклинаю васъ ничего не говорить объ этомъ Графинѣ, къ которой горестное положеніе, въ какомъ нахожусь, ослабило мое вниманіе, почтеніе, а всего болѣе мою нѣжность. . . . Старайтесь развлекать ея грусть и, сколько можно, извинять меня въ моемъ странномъ поведеніи. — Пусть попеченія ваши будутъ для нея такимъ цѣлебнымъ бальзамомъ, которой, вливаясь въ ея душу, возвращалъ бы ей сердечное спокойствіе и услаждалъ бы ея существованіе. Скоро, можетъ быть, все объяснится и какъ моему, такъ и ея сердцу возвратиться миръ и благополучіе.“

При сихъ послѣднихъ словахъ навернулись на глазахъ Графа крупныя слезы, которыя съ трудомъ могъ остановить. Онъ пошелъ вдоль комнаты, вынулъ свой платокъ и отеръ имъ оныя; опустивъ руки и сложа ихъ въ перстахъ, повѣся голову, и потупя въ землю глаза, прошелъ онъ такимъ образомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, не произнеся ни одного слова и — въ самомъ глубокомъ уныніи. Я просила его быть увѣрену, что я никогда не имѣла на него никакого несправедливаго подозрѣнія; что подлинно изъявляла Пальмирѣ страхъ свой; чтобы дружество мое съ нею не сдѣлалось предметомъ его неудовольствія; но что теперь убѣждена въ противномъ. — Я заклинала его простить мнѣ такое сомнѣніе, которое внушилъ мнѣ сей самой страхъ. „Такъ, какъ вы, синьоръ нелицемѣрно открыли мнѣ сердце ваше, сказала, я, то хочу доказать, сколько я предана какъ вамъ, такъ и Графинѣ, собразно съ вашими желаніями. -- Скажите мнѣ, желаете ли, чтобы я провожала Палмиру въ дорогѣ, и чтобы осталася съ нею въ Тортонѣ, во время вашего отсутствія? Естьли нѣтъ; то я возвращусь въ Тулузу."

— „Сдѣлайте милость, останьтесь съ Графинею!" вскричалъ онъ съ восторгомъ радости. „Ахъ! останьтесь, естьли вамъ это пріятно! Вы доставите ей величайшее удовольствіе, а мнѣ сдѣлаете самое важное одолженіе: не оставляйте ее, сударыня! употребите ваши усилія, хотя бы — сколько нибудь возвратить ей веселости! . . . . Сердце мое обливается кровью, когда помыслю, что скорбь глубоко вкоренилась въ груди Палмиры. . . . .“

— „Синьоръ, возразила я, одной уже дружбы, которая соединяетъ меня съ Графинею, достанетъ внушить въ меня ревность найти средства исполнить ваши желанія: положитесь на мои попеченія, и будьте — спок. . . . . “

— „Погодите!“ прервалъ Графъ, приложа къ губамъ своимъ палецъ; „ни слова объ томъ, что случилось между нами: вотъ идетъ Палмира!“

Въ самомъ дѣлѣ это была она. Графъ, подошедши къ своей супругѣ, предложилъ ей руку, что бы подвести ее къ столу; онъ разговаривалъ съ нею очень ласково, какъ никогда, со времени полученія нещастнаго извѣстія, не случалось. Палмира, казалось, ожила при такомъ вниманіи; она почти не спускала глазъ съ своего супруга; изрѣдка посматривала и на меня, какъ бы хотѣла дать мнѣ замѣтить сію перемѣну: давно уже не ѣли мы съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ въ этотъ день. Во всю остальную дорогу Графъ не перемѣнялъ своего новаго обращенія; онъ, казалось, получилъ опять свой прежній характеръ; онъ сдѣлался опять любезнѣйшимъ человѣкомъ.

По прошествіи четырехъ дней ѣзды нашей, мы прибыли къ подошвѣ Мон-Сена, и начали взбираться на сію крутую и опасную гору по тѣснымъ и труднымъ дорожкамъ, просѣченнымъ между утесами. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ страшнѣе становились пропасти подъ нашими ногами; безъ ужаса не могли мы смотрѣть на нихъ; а отъ мысли, что одинъ ошибочной шагъ нашихъ муловъ могъ насъ туда низвергнуть, становились у насъ волосы дыбомъ и застывалакровь. Какъ скоро перебрались мы черезъ Альпы, и ступили на ровную землю, тогда я благодарила Провидѣніе, что Оно покровительствовало намъ при семъ ужасномъ переѣздѣ, которой мы совершили безъ малѣйшаго худаго приключенія.

Черезъ два дни пріѣхали мы въ увеселительной Графовъ домъ, Ольму ди Тортону, въ которомъ жилъ тогда братъ его, Графъ Албани. Онъ, бывши предъувѣдомленъ, собралъ своихъ и братниныхъ знакомыхъ для встрѣчи насъ. Пріемъ былъ такой, какого лучше нельзя было желать; радость самая живая и самая искренняя, казалось, одушевляла всѣхъ лица, и всякой порывался принести Графинѣ поздравленіе на случай поправленія ея здоровья.

Графъ де ла Роза не терялъ времени; тотчасъ, послѣ полученія привѣтствій отъ друзей своихъ и отъ домашнихъ, приказалъ онъ дѣлать приготовленія къ своему отъѣзду въ замокъ Безанто, куда на другой же день думалъ отправиться; но былъ остановленъ не большимъ приключеніемъ.

Палмирѣ дали знать, что, во время ея отсутствія, горничная ея женщина, которую оставила она больною, къ нещастію умерла за нѣсколько дней. Графиня съ прискорбіемъ выслушала эту печальную новость; слезы, пролитыя изъ прекрасныхъ ея глазъ, были свидѣтелями нѣжному сердцу Августы искренняго объ ней сожалѣнія доброй госпожи. — Графъ утѣшалъ ее, увѣряя, что не поѣдетъ въ дорогу, не оставивъ при ней новой горничной, какую сама она выберетъ Въ небытность Графини, уже многія являлись замѣнить умершую; но ни которой не смѣли принять безъ ея вѣдома; а всѣхъ отсылали назадъ до того времени, когда Графъ и Графиня воротятся.

Между тѣми, которыя особенно были рекомендованы, одна болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе Графа. Видъ ея былъ отличенъ отъ прочихъ, и съ перваго взгляду расположилъ его въ ея пользу; хотя она и показалась ему слишкомъ молода; но ея скромность, ея смиреніе и рачительность о благопристойности, понудили его рѣшиться нанять ее. Онъ старался согласить на это Графиню, которая и приняла ее безъ всякаго испытанія, какъ бы изъ покорности къ своему мужу, и Виттора (такъ она называлась) вступила въ должность свою чрезъ нѣсколько часовъ, послѣ отъѣзда Графа.

Наступилъ уже третій день нашего пріѣзда въ замокъ; Графъ, который былъ нѣсколько задержанъ, не хотѣлъ уже болѣе откладывать своего отправленія въ Безанто. Онъ простился съ Пальмирою самымъ нѣжнымъ образомъ; обѣщался часто писать къ ней; просилъ Графа Албани, своего брата, быть ея защитою, а меня употреблять всѣ возможныя средства услаждать ея вкуку. Мы проводили его до коляски посреди двойнаго ряду его служителей, простившихся съ нимъ такъ же съ великимъ сожалѣніемъ. Онъ прижалъ Палмиру къ своему сердцу; изъявилъ ей скорбь свою, что находитъ себя принужденнымъ разлучиться съ нею, и, бросившись въ повозку, при возсылаемыхъ отъ всѣхъ моленіяхъ о дарованіи ему благополучнаго пути и возвращенія, далъ знакъ почталіону ударить по лошадямъ.

Лишь только прошло нѣсколько дней, какъ Палмира погрузилась въ печаль, которой не возможно мнѣ было воспрепятствовать, при всѣхъ моихъ усиліяхъ: ея здоровье, которое укрѣпилось было нѣсколько, перемѣнилось опять, и я страшилась увидѣть ее, поверженную въ такое жь горестное состояніе, изъ котораго она недавно вышла. Витторія, съ своей стороны, не упускала ничего для извлеченія своей госпожи изъ ея унынія; находясь при ней безъотлучно, она употребляла всю силу плодовитаго своего воображенія, стараясь пробудить въ ея душѣ веселость, но — напрасно. — Пальмира казалась нечувствительною ко всему, что могло отвлечь ее отъ печальныхъ мыслей. Однако жь была глубоко тронута усердіемъ и заботливостію объ ней новой горничной, которая съ необыкновенною живостію обнаруживала оныя во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; почему весьма скоро отличила она сію молодую наемницу отъ прочихъ прислужницъ, почтивъ ее полною своею благосклонностію.

Витторія имѣла высокой ростъ и пріятную наружность; поступь ея была благородна и не принужденна; пріятной ея голосъ доводилъ прямо къ сердцу, произносимыя ею, выраженія; она обладала всѣми талантами, получаемыми отъ рачительнаго воспитанія. Видя въ ней столько соединенныхъ достоинствъ, трудно было повѣрить, что бъ должность, какую она отправляла, была прилична ея рожденію. Чѣмъ болѣе кто признавалъ ее, тѣмъ болѣе внушала она къ себѣ привязанности и довѣренности. — Какъ скоро пріобрѣла она такую любовь отъ госпожи своей; что я перестала быть щитаема служанкою. Этого мало! съ нею обращались мы даже, какъ съ подругою. Принята будучи въ наше общество, она весьма пріятно занимала насъ умными разговорами: обороты, какія умѣла давать рѣчамъ своимъ, касаяся въ нихъ всего, что только могло относиться къ положенію госпожи ея, и сладкое краснорѣчіе, съ какимъ выражала свои мысли, сдѣлались наконецъ столь дѣйствительны, что начали разсѣявать меланхолію Палмиры, которой прелести часто видала я вдругъ оживленными отъ бесѣдованія съ занимательною Витторіею.

Она имѣла привычку носить всегда кисейное покрывало, которое скрывало отъ насъ стройность ея стана: мы не сомнѣвались, что проницательныя взоры Графа Албани оную хорошо разсмотрѣли; ибо замѣтили, что онъ никогда не упускалъ случая сидѣть съ нами, когда бывала при насъ Витторія, и въ короткое время увѣрились, что онъ совершенно въ нее влюбился. Его къ ней привязчивость, его неловкость въ обращеніи съ нею (онъ былъ не весьма искусенъ въ любви) и не къ стати дѣлаемые ей комплименты, веселили иногда мою печальную подругу, разсѣявая на время ея меланхолію.

Витторія очень хорошо умѣла рисовать, и любила до страсти сію забаву: все, что находила она интереснымъ, становилось предметомъ занятія карандаша ея, или кисти: этотъ вкусъ, которой такъ близко подходилъ ко вкусу Пальмиры, увеличилъ къ ней привязанность послѣдней. Я видала ихъ, провождавшихъ цѣлые дни въ живописаніи сельскихъ видовъ, изображаемыхъ тою и другою со всею возможною натуральностію. Сей родъ занятій всего болѣе способствовалъ къ основанію между ими искренней дружественности. — Графиня де ла Роза не приказывала уже скромной Витторіи; а сія не исправляла уже должности горничной служанки: это были два Артиста, одинъ другому равные, два друга, соединившіе одинаковость мыслей своихъ, и трудившіяся вмѣстѣ въ покореніи природы генію искусства.

Я почти не отлучалась отъ моей милой Пальмиры. Однажды, когда всѣ мы трое были заняты рисованьемъ, разговоръ зашелъ о волокитствѣ Графа Албани. Графиня шутила, поздравляя Витторію, что умѣла внушить въ ея деверя любовь, съ такимъ замѣчаніемъ, что ея прелести, не смотря на ревнивое покрывало, никогда ихъ неоставлявшее, воспламенили сердце бѣднаго Графа. Витторія не смѣялась при сихъ шуткахъ, хотя и замѣтила необыкновенную веселость въ Пальмирѣ; она вздохнула, что мы, по своему простодушію, почли за дѣйствіе раждавшейся любви, и начали шутить еще болѣе. Тогда Витторія, въ важномъ тонѣ голоса, попросила Графиню выслушать ее благосклонно.

„Я весьма обрадована, сударыня, что вы замѣтили поступки Графа д'Албани, относительно ко мнѣ; не одинъ разъ покушалась я объ нихъ говорить вамъ; но страхъ, что такое изъясненіе можетъ показаться дѣйствіемъ слѣпаго самолюбія, меня отъ того удерживали; теперишняя минута доставляетъ мнѣ случай открыть вамъ мое сердце, Позвольте мнѣ эту вольность? Заклинаю васъ уговорить Графа, оставить свою докучливую безъотвязность, и мнѣ дать покой. Я уже давно занята предметомъ, отъ котораго Графъ д'Албани и все его богатство не въ силахъ меня отвлечь: конечно я удалена отъ того, чтобы не уважать приличнаго союза, котораго желаніе и возможность, естьли бы угодно ему было дать мнѣ замѣтить; но пусть онъ знаетъ, что до него еще одинъ дворянинъ знатной фамиліи и съ великимъ богатствомъ искалъ руки моей; пусть онъ знаетъ также, что я не властна уже была надъ своимъ сердцемъ, и что неотступность его, которая стала мнѣ въ тягость, была виною моего нещастія, и заставила меня презирать его. Родители мои, находя щастіе въ одномъ богатствѣ, вздумали принудить меня силою вступить въ этотъ союзъ, которой казался имъ чрезвычайно для меня выгоднымъ; сколько ни дѣлала я представленій, внушаемыхъ мнѣ любовію и должностію; но они были не поколебимы въ своемъ намѣреніи. — Я формально отказалась отъ такого акта, которой долженствовалъ сдѣлать меня вѣроломною и злополучною; они сдѣлались моими гонителями, моими тиранами, и въ одномъ только бѣгствѣ нашла я средство спасти себя отъ ихъ угнетенія. Я готова перенести всѣ бѣдствія жизни, даже умереть въ самой горестной нищетѣ, чѣмъ соединиться съ такимъ человѣкомъ, кошораго отвергаешЪ мое сердце и презираетЪ разумЪ. — ВотЪ, любезная Синьіора, вся моя исторія! Мнѣ остается только умолять васЪ о покровительствѣ, и ваша чувствительность подаетЪ мнѣ надежду, что не откажете мнѣ вЪ ономЪ!"

Это признаніе сильно тронуло Графиню; она склонилась кЪ груди моей, и скрыла лице свое, чтобы не показать текущихЪ слезЪ. Витторія, которая поддерживала свою Госпожу, проливала ихЪ также и рыданія ихЪ, соединяясь вмѣстѣ, составляли, раздиравшую сердце, гармонію.

Палмира, пришедши нѣсколько вЪ себя, подняла руки кЪ небу, и вскричала: „Великій Боже! КакЪ не чувствительны тѣ родители, которые располагаютъ такимъ образомъ щастіемъ дѣтей своихъ!" Потомъ обратясь къ изгнанницѣ: „Положись на мое покровительство, любезная и злополучная Витторія! Никто болѣе меня не чувствуетъ твоихъ мученій. . . . Я употреблю всѣ старанія уговорить Графа Албани, и надѣюсь, что со временемъ буду имѣть удовольствіе видѣть тебя, соединенною съ, любезнымъ сердцу твоему, человѣкомъ."

При такомъ отрадномъ, утѣшеніи, Витторія пала къ ногамъ своей госпожи, и въ изліяніи благодарности, схвативъ ея руку, съ горячностію осыпала ее поцѣлуями.

Прошло уже болѣе мѣсяца, а Палмира получила только одно письмо отъ Графа де ла Розы; при томъ оно было сухо и весьма коротко; не извѣщало о предметѣ его отъѣзда, а только содержало въ себѣ желаніе знать, каково ея здоровье, и безъ всякаго даже изъявленія радости о приближеніи той минуты, въ которую долженствовала она даровать ему наслѣдника. Такая холодность поразила новымъ ударомъ сердце Палмиры, возбудивъ опять въ ней уныніе и скорбь. Несмотря на ея усилія не обнаруживать ихъ передъ нами, я и Витторія, примѣтивъ ихъ, начали употреблять свои средства успокоивать ее; но всѣ наши представленія были безъуспѣшны.

„Ахъ! милыя подруги мои!“ сказала однажды Графиня, „всѣ ваши утѣшенія напрасны: вы не можете представить себѣ того страданія, какое терпитъ моя душа; вы никогда не убѣдите меня, что я не столь нещастна, какъ думаю; я чувствую, что не потеряла еще разсудка, и онъ то открываетъ мнѣ въ будущемъ бездну злополучій! . . . . . Графъ сдѣлался до жестокости хладнокровенъ . . . . Естьли бъ Небу угодно было лишить меня разсудка; тогда бы это не столько меня сокрушало, и я не была бы добычею страшныхъ предчувствованій. . . . О родитель мои! . . . Ты меня осудилъ подвергнуться самой ужасной участи! . . . .“

Родъ нѣкотораго нерадѣнія, которое оказывалъ къ ней Графъ, встревоживалъ ея душу, раждая въ ней множество самыхъ горестныхъ идей. Всякой день предавалась она лютѣйшимъ стѣнаніямъ. Иногда, казалось, впадала въ бредъ, и во всѣхъ своихъ жалобахъ произносила плачевнымъ голосомъ имя своего отца. Ея состояніе день отъ дня становилось ужаснѣе; она подвергалась частымъ разслабленіямъ, которыя угрожали намъ опасностію ея жизни.

Однажды, чувствуя себя нѣсколько спокойнѣе обыкновеннаго и рѣшившись, какъ казалось, предаться волѣ Провидѣнія во всемъ, чтобы ни случилося съ нею, пожелала она себѣ плодовъ. Такъ какъ, по слабости своей, не могла нарвать оныхъ сама; то я, оставивъ ее на попеченія Витторіи, пошла въ садъ принести самыхъ лучшихъ. Я ходила не больше четверти часа. Когда возвращалась; то увидѣла издали, что Палмира упала на руки Витторіи, и та и другая не показывали ни малѣйшаго движенія. Видъ такого положенія сильно встревожилъ меня. Я подбѣжала къ нимъ. Палмира была безъ чувства; Витторія держала ее въ объятіяхъ, склонивъ свою голову къ ней на плечо, и обливалася слезами. „Боже мой!“ вскричала я; “Витторія, или не видишь, что Графиня безъ дыханія!“ Торопливое восклицаніе мое испугало Витторію; она, поднявъ голову и брося взглядъ на Госпожу свою, издала пронзительной крикъ; ужасъ ея былъ изступленный; потому что Палмира едва показывала признаки жизни. Мы, поднявъ ее со стула, перенесли на софу, не видя еще, что бы она приходила въ чувство. Витторіа почти сходила съ ума отъ сего непредвидѣннаго приключенія; она присоединила къ моимъ усиліямъ свои, что бы возвратить Госпожѣ своей употребленіе чувствъ, и, при первомъ, сдѣланномъ ею, слабомъ движеніи, бросилась къ ней на колѣни; схватила ея руки и покрывала ихъ поцѣлуями и слезами.

Графиня въ продолженіи многихъ минутъ оставалась въ, блискомъ къ смерти ; обморокѣ. Наконецъ она вздохнула , что и подало намъ надежду скоро увидѣть ее ; ожившую. Какъ скоро открыла она глаза ; то первый предметъ, представившійся взоромъ ея, была безъутѣшная Витторія. Она еще издала вздохъ, и произнесла едва слышнымъ голосомъ: „Жестокая! . . . . Жестокая Витторія! . . . Ты меня погубила совершенно! . . . . Спокойствіе, которое льстилась я возвратить сердцу моему, удалилось навсегда ; ты отняла у меня послѣднюю на него надежду!“ . . . Тутъ источникъ слезъ; къ щастію, приспѣлъ ей на помощь.

Жалкое положеніе Витторіи не возможно было описать. — Наконецъ мало по малу сила ея отчаянія начала уступать разсудку; долго сидѣла она въ глубокомъ молчаніи, какъ будто собираяся съ мыслями.

Я заклинала ихъ обѣихъ открыть мнѣ, что подало поводъ къ такой горестной сцѣнѣ во время моего отсутствія. Палмира обѣщала разсказать мнѣ объ этомъ въ другую, болѣе благопріятную, минуту; потому-что встревоженной умъ не позволялъ ей теперь сего одѣлать.

Витторія, вдругъ вставши со стула, прошла по комнатѣ съ видомъ самой неутѣшной скорьби, и опять горько заплакала; потомъ, подошедши къ Палмирѣ, съ трепетомъ взяла ея руку и, съ восторгомъ прижимая ее къ губамъ своимъ, умоляла о прощеніи: „Милая Синьôра!“ сказала она тономъ самымъ нѣжнымъ и самымъ покорнымъ, „не увеличивайте моего отчаянія и умѣрьте свою горесть о томъ, что я имѣла нещастіе вамъ открыть; я терзаюсь отъ раскаянія, сдѣлавшись причиною вашего плачевнаго положенія чрезъ свою нескромность и безразсудство... Ахъ! не возненавидьте меня! Когда я удалюсь отъ васъ; то пожалѣйте о нещастномъ твореніи и простите ему великодушно!“ Переставши говорить, накинула себѣ на лице покрывало и вышла изъ комнаты.

Палмира горько заплакала; потомъ, вставши, стала ходить по комнатѣ въ самомъ сильномъ движеніи духа; однакожъ въ глубочайшемъ молчаніи; глаза ея были потуплены въ землю! Въ одну изъ такихъ минутъ, начавъ ломать себѣ руки, казалось, хотѣла она предаться отчаянію; но тотчасъ, сложивъ оныя, подняла къ Небу, и представила изъ себя видъ, умолявшей о милосердіи.

Ея положеніе терзало мое сердце; я пыталась утишить такое волненіе и возвратить сколько нибудь спокойствія душѣ ея. „О, любезнѣйшая Миссъ!" начала она съ самымъ горестнымъ выраженіемъ, „не говорите мнѣ о спокойствіи! его нѣтъ для меня въ этомъ свѣтѣ!..

Я утѣшалась еще слабою надеждою, — тѣнію нѣкотораго щастія, и Витторія похищаетъ у меня это!" Я заклинала ее именемъ всего, что было ей милѣе на свѣтѣ, вооружиться твердостію; употребляла всѣ утѣшенія, какія только могъ внушить мнѣ разумъ; и мнѣ удалось наконецъ возстановить постепенно нѣсколько равновѣсія въ, напряженныхъ, ея чувствованіяхъ. Но крайняя слабость была непосредственнымъ слѣдствіемъ сего горестнаго перелома; смертная блѣдность распространилась по лицу ея; кровь охладѣла во всѣхъ членахъ; крѣпко сжавшіяся, уста не позволяли ей произнести ни одного слова; и одно только тяжелое дыханіе было признакомъ ея жизни. Я приказала положить ее на постелю, и послала за лѣкаремъ.

Во все продолженіе, слѣдовавшихъ за симъ, четырехъ дней Графиня не имѣла силы подняться съ постели; она пожелала, что бы и Витторія также, какъ я, при ней находилась; и легко можно было угадать, съ какимъ рвеніемъ старались мы исполнять такое желаніе. — Но меня весьма удивило то, что Графиня не могла переносить отсутствія Витторіи; а какъ скоро она являлась къ ней; то видъ ея тревожилъ ее. — Не въ состояніи была я понять такой противоположности въ двухъ чувствованіяхъ, изъ которыхъ ни одно не могло быть удовлеворено другимъ. Эта Витторія такъ занимала мысли Графини; что даже и во снѣ она часто произносила имя ея; а всего болѣе приводило меня въ недоумѣніе то, что она называла ее *Витторіею Беральти*, хотя до сихъ поръ мы знали ее только подъ именемъ *Витторіи Никола.*

На пятой день стало Пальмирѣ гораздо легче, и она была уже въ силахъ вставать съ постели; обстоятельство сіе было для насъ весьма утѣшительно; и я не умѣла бы описать того восхищенія, въ какое приходила Витторія при выздоравливаніи Госпожи своей.

Во время болѣзни Графининой, Графъ д'Албани лишаемъ былъ удовольствія разговаривать съ своею прекрасною Витторіею; онъ видалъ ее только украдкою, когда приходилъ навѣщать Палмиру, и выражалъ ей тоску свою въ нѣжныхъ письмецахъ, роняемыхъ имъ на полъ при выходѣ; онѣ заключали въ себѣ слова ни мало не двусмысленныя, и такой языкъ, которой явно доказывалъ его любовь. Витторія всѣ ихъ читала Госпожѣ своей въ намѣреніи, доставлять ей предметъ легкаго занятія и веселить ея разумъ; но Палмира, подумавъ, какія непріятныя послѣдствія можетъ произвести глупой энтузіасмъ Графа д'Албани; вмѣсто того, что бы забавляться онымъ, начала безпокоиться еще объ этой страсти, которую находила не приличною. Съ тѣхъ поръ привязанность ея къ Витторіи, казалось, начала уменьшаться; и я крайне удивилась, примѣтивши, что она старалась убѣгать обращенія съ нею. Чѣмъ очевиднѣе поправлялось ея здоровье, тѣмъ, какъ будто, холоднѣе становилась она къ той, которую не такъ давно называла своею любезною подругою. Но легко было видѣть, что эта холодность была въ ней ни что иное, какъ страхъ; потому-что, естьли присутствіе Витторіи, казалось, всегда ее тревожило; за-то отсутствіе оной дѣлало болѣе, оно — причиняло ей грусть. Графиня желала бы убѣгать отъ ней, и — быть съ нею безпрестанно. Признаюсь, что такой контрастъ приводилъ меня въ великое замѣшательство, и я напрасно мучила свой разумъ, желая изъяснить себѣ оной.

Скоро и Витторія замѣтила осторожность Графини видаться съ нею; и сіе отчужденіе, казалось, крушило ее несказанно. Однажды осмѣлилась она разпрашивать меня о семъ предметѣ; но я сама, удивляясь такому непонятному и таинственному поведенію Графини, не могла удовлетворить ее своими отвѣтами. „Мнѣ нужно,“ сказала она, „сообщить вамъ весьма важныя извѣстія; приходите нынѣшній вечеръ, около полуночи, въ садовой гротъ! Обратите особенное вниманіе на то, что бы никто не могъ насъ подслушать! Я разскажу вамъ свою исторію, заключающую въ себѣ такія обстоятельства, которыя должны быть извѣстны однимъ вамъ. Обѣщайтесь мнѣ придти туда! — Я буду тамъ въ полночь.“ Я дала ей слово. Вошелъ Графъ д‘ Албани, и мы тотчасъ разошлись.

Часы казались мнѣ вѣками до вечера. Въ такой то была я нетерпѣливости узнать причину, для чего Графиня чуждалась Витторіи!

Въ одиннадцать часовъ съ половиною во всемъ замкѣ стало тихо; я спѣшила въ, назначенное для свиданія, мѣсто, стараясь придти туда первою, чтобы не пропустить случая узнать тайну, столько тревожившую мой разумъ. Входя въ гротъ, я дивилась, увидя, что была предъупреждена. Я подходила къ человѣку, котораго въ темнотѣ почла за Витторію, и подала ему голосъ. Наклоненіе головою было единственнымъ отвѣтомъ. Я подошла ближе и нѣсколько испугалась, увидя незнакомую мнѣ особу. Я сдѣлала шагъ впередъ. „Не бойтесь ничего, сударыня!“ отвѣчали мнѣ. Посудите о моемъ изумленіи, когда въ незнакомой особѣ узнала я по голосу Графа д'Албани, въ спальномъ платьѣ Палмиры. Вдругъ родилось во мнѣ любопытство узнать, что побудило Графа придти въ гротъ въ такой часъ, и особливо въ такомъ одѣяніи: „Любезная знакомка!“ сказалъ онъ, „вы не можете себѣ представить, какъ страстно я люблю прекрасную Витторію; долго искалъ я случаевъ увидѣться наединѣ съ нею, и все еще не успѣлъ въ томъ; она вездѣ бѣгаетъ отъ меня; я заставалъ ее только у Графини; а тамъ ни мѣсто, ни время не позволяютъ мнѣ изъясниться ей въ моей любви. Нынѣшній день случилось мнѣ проходить мимо вашей комнаты; я услышалъ голосъ Витторіи и сталъ вслушиваться: она вамъ назначила свиданіе въ семъ гротѣ въ полночь. Я рѣшился воспользоваться такимъ обстоятельствомъ, которое доставляло мнѣ вѣрное средство имѣть хотя минутной разговоръ съ обладательницею моего сердца, въ этомъ платьѣ, чтобы не быть кѣмъ-нибудь узнану; для сего и пришелъ я сюда заранѣе въ надеждѣ, что она войдетъ первая. Вотъ, сударыня, истинная причина, что видите меня въ этомъ странномъ нарядѣ!" Тутъ съ поспѣшностiю вышелъ онъ изъ грота. Полное сiянiе Луны позволяло мнѣ провожать его глазами на нѣкоторое разстоянiе по саду, и я не могла удержать себя, что бы громко не засмѣяться, увидѣвши, какъ не ловко поворачивался Графъ Албани въ своемъ костюмѣ.

По прошествiи нѣсколькихъ минутъ размышленiя о сей встрѣчѣ, усмотрѣла я

Витторію, поспѣшавшую къ мѣсту свиданія. Я вошла въ гротъ, а за мною тотчасъ и она. Я не скрыла отъ нея случившагося со мною, и пересказала слово въ слово, что говорилъ Графъ Албани. Этотъ случай весьма ее опечалилъ. „Вижу,“ сказала она, вздохнувши, „вижу, что время удалиться мнѣ изъ этого дома; гонительница моя, немилосердая судьба, и здѣсь не хочетъ дать мнѣ покоя!

„Но, оставляя васъ, любезная Миссъ, я рѣшилась ввѣрить вамъ тайну великой важности. Мнѣ извѣстна искренняя дружба и слѣдовательно полная довѣренность между вами и милою Графинею; такія чувствованія обязываютъ васъ любить тѣхъ, которыхъ любитъ она; я имѣла щастіе заслужить отъ нея такое расположеніе; по этому праву я требую здѣсь вашей довѣренности и вашего вниманія. Подъ другимъ именемъ я теперь Графинина горничная: она вспомнила обо мнѣ, и это самое было причиною того нещастнаго съ нею происшествія, которое столько насъ встревожило; но относительно къ нему должно мнѣ открыть вамъ такія обстоятельства, которыя, какъ той, такъ и другой, равно были пагубны и которыхъ продолженіе заставляетъ насъ ожидать послѣдствій — еще болѣе ужасныхъ. И такъ знайте.“ . . . Витторія была прервана Графомъ д'Албани, вошедшимъ въ гротъ, и уже въ своемъ собственномъ платьѣ. Неожиданое его пришествіе помѣшало ей разсказывать начатое, и потому оно было весьма для насъ не пріятно. — Витторія изъявила ему свое неудо вольствіе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, укоряя его въ невѣжливости, которую показалъ онъ, позволивъ себѣ насъ подстеречь и прервать разговоръ. „Ваши поступки, Синьîоръ!" сказала она съ видомъ негодованія, „крайне для меня противны; а теперешній не простителенъ; клянусь вамъ, что во всю жизнь его не забуду!" Гнѣвъ ея превзошелъ мое ожиданіе, и страннымъ образомъ не сходствовалъ съ тою милою скромностію и тихостію, которыя, казалось, были ей свойственны; она съ поспѣшностію вышла изъ грота, бросивъ на безъотвязнаго гордый взоръ, выражавшій чувство оскорбленія и повелѣвавшій не забывать къ ней должнаго уваженія. Я ту же минуту послѣдовала за нею, оставя бѣднаго Графа, приведеннаго внѣ себя отъ любви, гнѣва и замѣшательства.

„Какой тщеславной и наглой человѣкъ!“ вскричала она; „Осмѣлиться въ такомъ мѣстѣ и въ такой часъ позволить себѣ этотъ поступокъ не естьли не слыханная дерзость? Боже мой! Уже ли не могу я наказать его, какъ онъ заслуживаетъ! Пусть бы разкаявался въ своемъ безразсудствѣ... Но ахъ! мое бѣдное положеніе лишаетъ меня возможности" ....

Лишь только сдѣлали мы нѣсколько шаговъ по саду, какъ увидѣли опять Графа, слѣдовавшаго за нами. Какъ не льзя намъ было уйти отъ него куда нибудь далѣе; то и были принуждены отказаться отъ дальнѣйшаго между собою разговора; почему и спѣшили войти въ замокъ. Витторія въ сильномъ движеніи гнѣва на Графа, а я съ сожалѣніемъ, что потеряла случай узнать ея исторію, которой таинственность и нѣсколько, сказанныхъ ею изъ оной, словъ возбудили во мнѣ самое нетерпѣливое любопытство. Она проводила меня до Графининыхъ комнатъ, по желала обѣимъ намъ спокойной ночи и — удалилась.

Я разсказала Палмирѣ обо всемъ, что произошло съ нами въ саду; она, казалось, была чрезвычайно огорчена такимъ покушеніемъ Графа д' Албани, увидѣться въ саду съ Витторіею. „Надобно,“ сказала она, „не обходимо надобно разлучиться съ нею; Эта привязанность Графа, моего деверя, весьма нещастлива, и потому неблагоразумно было бы держать ее далѣе въ замкѣ; такъ, я прикажу ей удалиться изъ Ольмы! . . . Ахъ, этотъ приказъ устрашитъ бѣдную Витторію! . . . . Но не льзя его отмѣнить. . . . Нынѣшняя ночь будетъ для нея здѣсь послѣдняя!“ . . . Палмира была въ сильномъ душевномъ движеніи; она долго молчала и казалась, углубившеюся въ размышленія; потомъ, принявъ тонъ голоса, болѣе спокойный, но, поднявъ руки и всплеснувъ ими, вскричала! „О небо! И такъ пришло время намъ разлучиться и — разлучиться навсегда!" . . . . Слезы потекли у Графини за симъ восклицаніемъ, и мы въ ту же минуту пошли каждая въ свою комнату. . . . Не для спанья, потому что встревоженная Графиня во всю ночь не могла сомкнуть глазъ, да и на мои сила морфея не болѣе имѣла дѣйствія; умъ мой необычайно былъ занятъ множествомъ догадокъ, относительно къ таинственной Витторіиной Исторіи, и къ странному съ нею обращенію моего друга.

Поутру пошла я, по своему обыкновенію, прогуляться по саду, оставя Палмиру, занявшуюся пересматриваніемъ своихъ рисунковъ. — Возвращаясь назадъ, встрѣтила я на лѣстницѣ, ведущей въ столовую залу, Витторію въ весьма сильномъ смущеніи; остановивъ ее, спросила я; что такъ ее опечалило? „Ахъ, я навседа оставляю;“ отвѣчала она, „мою любезную Графиню и васъ! Она приказала мнѣ это сдѣлать; надобно повиноваться ей; но какъ это тяжело для меня! Да хранитъ васъ Богъ обѣихъ во всю жизнь вашу!“ Потомъ, обнявъ меня съ нѣжностію;

„Простите, любезная Мисс Клинор! О многом надлежало бы мнѣ вас увѣдомить; но, Ах! не имѣю к тому, ни возможности, ни времени. — Бѣгите поскорѣе к Графинѣ, она имѣет нужду в вашей помощи! состояніе, в каком я ее оставила, оной требует. Не щитаю нужным просить вас, что бы вы употребили ваши старанія успокоить сердце ея..... Простите. . . . . помните меня — . . . . Простите навсегда!“ Сказав это послѣднее слово, она с горячностію пожала мою руку и скрылась от моих глаз.

Вникая в смысл всего, сказаннаго ею, пришла я в столовую залу; но каким поражена была изумленіем! Пахмира, въ полураспростертомъ положеніи и держа одну руку на глазахъ, сидѣла на канапѣ и горько плакала. „Что съ вами опять сдѣлалось, моя милая Палмира?" вскричала я. „Отвѣчайте, заклинаю васъ объ этомъ! Облегчите мое сердце! Я мучусь, видя васъ въ такомъ жалкомъ положеніи. Или я не другъ вашъ? Не уже ли можете отказать ему открыть причину вашей скорьби?" Я подняла ее въ мои объятія, прося успокоиться. Она произнесла ко мнѣ нѣсколько невразумительныхъ словъ, изъ которыхъ однако — жь поняла я, что она умоляла меня о прощеніи; потомъ, когда пришла нѣсколько въ себя, сказала мнѣ: „Ахъ, дражайшая Миссъ!

Когда бъ вы знали причину моей горести, когда бъ можно было вамъ проникнуть въ тайну, которую должно мнѣ было до сихъ поръ скрывать; то вы конечно меня простили бы."

— „Вы не можете сомнѣваться въ этомъ, моя милая Палмира! Но скажите: я встрѣтилась съ Витторіею, съ этою любезною и чувствительною дѣвушкою. . . . "

— „Съ Витторіею, вскричала она, съ Витторіею! . . . Не произносите мнѣ никогда имя ея! . . . Тогда только буду я щастлива, когда ее совершенно забуду. Для чего Небо не окажетъ мнѣ скорѣе этой милости! . . . Все это удивляетъ васъ, Клиноръ! Такъ я чувствую, что мнѣ должно... Какъ скоро хотя нѣсколько успокою духъ свой; то ввѣрю другу тайну своихъ нещастій. Я желала бы это сдѣлать нынѣ же послѣ обѣда; а теперь не въ силахъ къ этому принудить себя. Оставьте меня, любезная Миссъ! прошу васъ, оставьте меня слезамъ моимъ! онѣ текутъ противъ воли моей, не смотря на всѣ мои усилія ихъ остановить."

Я стала было уговаривать ее; но убѣжденія мои не произвели никакого дѣйствія на ея сокрушенное сердце; такимъ образомъ, не могши успѣть въ томъ, что бы успокоить ее; тогда же принуждена я была уступить ея желанію и оставить ее въ самомъ не утѣшномъ состояніи.

Я желала опять увидѣть Витторію, что бы узнать отъ нее причину такой великой тоски; я искала ее по всему замку; но она уже уѣхала. Въ самыхъ грустныхъ мысляхъ вошла я медлѣнно въ свою комнату, гдѣ и провела около трехъ часовъ въ печальномъ уединеніи прежде, нежели возвратилась къ нещастной Графинѣ.

Я застала ее, молившуюся въ ея кабинетѣ; не желая помѣшать ей въ этомъ, ушла я въ залу, гдѣ и ожидала ея пришествія.

Спустя четверть часа, я увидѣла ее вошедшую. Видъ ея казался спокойнымъ; но походка была медлѣнна и не тверда: глубокое, хранимое ею, молчаніе обнаруживало скромность ея сердца. Она сѣла и посмотрѣла на меня съ принужденною улыбкою. „Милой другъ мой!“ сказала она, „я чувствую, что мнѣ гораздо легче; даже нахожу въ себѣ довольно къ тому силъ, чтобъ исполнить свое обѣщаніе. Можетъ быть, вы найдете въ моей исторіи облегченіе той печали, которую я имѣла нещастіе вамъ нанесть; но надѣюсь, что ваше добродушіе проститъ меня!“

Тутъ сказали намъ, что поставили кушанье. — Мы пошли сѣсть за столъ, хотя обѣ не имѣли большаго аппетита; когда же вышли изъ онаго, то Пальмира начала свою исторію слѣдующимъ образомъ.

Конецъ первой Части.

* * *

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА.

или

ПРИВИДѢНІЕ

и

ТАИНСТВА ЗАМКА БЕЗАНТО

Часть вторая.

Сочиненіе Анны Радклифѣ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА, 1818.
Въ Университетской Типографіи.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Декабря 18 го 1816 года,

Медицины Докторъ и Профессоръ
П. О. Василій Котельницкій.

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА.

ГЛАВА III.

Исторія Паммиры де Монтальдъ.

„Я единственная отрасль Графа де Монтальдъ, которой, по смерти своей, оставилъ меня наслѣдницею всего своего имѣнія, состоящаго изъ многихъ весьма важныхъ помѣстьевъ.“

„Во время дѣтства я была божествомъ для виновниковъ дней моихъ; они осыпали меня всѣми попеченіями, всѣми ласками, къ какимъ только можетъ быть способна родительская нѣжность; и первыя лѣта юности моей протекали въ мирныхъ наслажденіяхъ дружбы. Но лишъ только наступилъ мнѣ шестнадцатой годъ, какъ щастіе, которое отъ самой калыбели никогда не разлучалося со мною, начало мало по малу удаляться; и на конецъ совершенно оставило меня на произволъ злому генію, которой съ тѣхъ поръ не переставалъ мучить меня во всю жизнь."

„Баронъ де Сентъ Альба, котораго домъ былъ смѣженъ съ нашимъ, имѣлъ дочь, по имени Розалію: хотя была она нѣсколько старѣе меня; однако жъ услаждàла мое дѣтство, раздѣляя со мною всѣ свои забавы. -- Розалія играла съ одною только маленькою своею Палмирою; и Палмира скучала въ тѣ минуты, которыя провождала безъ свой Розаліи. Такая дружба, укоренившись въ сердцахъ нашихъ, возрастала по мѣрѣ, какъ лѣта развертывали нашъ разсудокъ. Мы достигли того возраста, въ которой не дѣтскія игры невинности заставляли насъ желать быть вмѣстѣ; но уже другія чувствованія, въ которыхъ не могла я дать себѣ отчету и которыя понудили меня сдѣлать свою подругу, повѣренною самыхъ тайныхъ своихъ мыслей.“

„Сады наши отдѣлялись одинъ отъ другаго каменною стѣною; но, по взаимному согласію двухъ дружественныхъ фамилій, въ ней сдѣлана была калитка, посредствомъ которой мы могли ходить другъ къ другу во всякой дневной часъ.“

„Однажды вошедши въ Бароновъ садъ, чтобы найти мою милую Розалію, пригласившую меня погулять въ немъ съ нею, прошла я многія аллеи, въ которыхъ мы болѣе любили прохаживаться, и вступила въ прекрасную, цвѣтами усѣянную, рощицу, гдѣ увидѣла, съ нѣкоторымъ сладостнымъ изъумленіемъ, спавшаго на землѣ самаго прелестнаго молодаго человѣка; этотъ видъ произвелъ въ сердцѣ моемъ такое движеніе, какого я никогда еще не ощущала. Я вдругъ остановилась, боясь разбудить его;

но примѣтивъ, что онъ спалъ сномъ самымъ крѣпкимъ, тихонько подошла къ нему, чтобы разсмотрѣть его получше. Его положеніе, исполненное привлекательности, оставляло лице, совершенно открытымъ; это былъ самъ амуръ, покоющійся на ложѣ изъ цвѣтовъ.... Повѣялъ легкой вѣтерокъ, и шумъ листьевъ потревожилъ меня: я поспѣшно удалилась, не желая, чтобъ онъ засталъ меня, его разсматривавшую.“

„Спустя нѣсколько минутъ послѣ выхода моего изъ сей прелестной рощицы, я встрѣтила Розалію, которая, замѣтя во мнѣ необыкновенное внутреннее движеніе, спросила о причинѣ онаго; я разсказала ей, что видѣла, и не утаила даже того удовольствія, съ которымъ смотрѣла на привлекательнаго молодаго человѣка, котораго видъ привелъ меня въ пріятное смущеніе, всё еще продолжавшееся въ моихъ чувствахъ. Розалія, посмотрѣвъ на меня пристально, улыбнулась. „Не искала ли ты, Палмира, когда нибудь такой встрѣчи?“ спросила она. — „Никогда, для моего собственнаго спокойствія.“ — „Въ этомъ случаѣ прошу тебя быть осторожнѣе, мой любезной другъ! говорятъ, что первыя впечатлѣнія очень часто бываютъ опасны, а — щастливы никогда.“ Такое предостереженіе должна я была принять за одну шутку; но оно уже казалось мнѣ справедливымъ, хотя тогда я исполковалала его себѣ совсѣмъ иначе. „Можетъ быть,“ сказала я, „ты любишь этого молодаго человѣка? Въ семъ случаѣ говоришь правду, что первое впечатлѣніе можетъ сдѣлаться для меня опасно, естьли только я устремлю свои желанія на тотъ предметъ, на которомъ подруга моя остановила свой выборъ.“ — „Нѣтъ, моя милая Пальмира!“ отвѣчала она мнѣ, „онъ не для меня произведенъ на свѣтъ, хотя наши родители и желали бы этаго союза; но мнѣ давно уже извѣстны обстоятельства, которыя оному противятся . . . . . Онъ единственный сынъ Маркиза де Сентъ — Беральти и моей тетки; называютъ его обыкновенно молодымъ Маркизомъ. Допутешествій своихъ жилъ онъ долгое время здѣсь; потомъ восемь лѣтъ мы не видали его; да и теперь онъ посѣтилъ насъ по причинѣ не большаго несогласія, которое произошло между имъ и отцемъ его, и пробудетъ здѣсь очень не долгое время. И такъ безъ сомнѣнія ты его забудешь. Однако жь повторяю тебѣ мой совѣтъ, быть осторожнѣе, и говорю напередъ, что онъ не властенъ отдать свое сердце, помни это!"

„Лишь только подруга моя окончила сіи слова, какъ молодой Маркизъ попался намъ на встрѣчу; онъ привѣтствовалъ насъ самымъ любезнымъ образомъ, и попросилъ позволенія участвовать въ нашей прогулкѣ. Вы конечно не сомнѣваетесь, что онъ не имѣлъ нужды употреблять дальнѣйшихъ просьбъ. Его умныя разговоры и скромность вышли совершенно согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, какое я оставила въ умѣ о личныхъ его качествахъ; пристойной свѣтскости, вѣжливости, тонкости во всѣхъ его маленькихъ приступахъ: всего было довольно въ молодомъ Маркизѣ, чтобъ быть самымъ любезнымъ мущиною: и такъ, не смотря на всѣ заботливыя предупрежденія Розали, сердце мое заставило меня страшиться событія предсказанія ея, что *первое впечатлѣніе можетъ сдѣлаться опаснымъ.*"

,,Я возвратилась домой съ душею, занятою, встревоженною, исполненною тѣмъ предметомЪ, которой такЪ сильно поразилЪ меня; образЪ милаго Сент-Беральти вездѣ былЪ со мною, вездѣ, казалось, я слышала голосЪ его. Иногда, вспомнивЪ предостереженія моего друга, покушалась я развлечь мысль обЪ немЪ; но безполезно. -- Очарованіе было сильнѣе моего разсудка. -- Сердце мое трепетало для одного Маркиза; я была уже не вЪ силахЪ его забыть.“

„На другой день поутру довольно рано навѣстила я Розалію. — КакЪ скоро она осталась со мною одна; то я заговорила о молодомЪ Маркизѣ. Она посмотрѣла на меня такими глазами, которые старались проникнуть вЪ мое сердце, и сказала, покачавЪ головою: „Ахъ, Палмира! боюсь, что бы это необыкновенно раннее посѣщеніе не вышло для другаго, а не для меня! -- Себастіанъ, мой двоюродный братецъ, думаю, гораздо болѣе имѣетъ участія въ вашихъ мысляхъ, нежели, сколько я желала бы. Не заключайте изъ моихъ словъ ничего другаго, кромѣ родственной привязанности; хотя онъ и кажется мнѣ самымъ любезнымъ изъ всѣхъ молодыхъ дворянъ въ Италіи. При томъ извѣстно вамъ, что я уже сговорена за Графа де Ловаско, и не могу быть совершенно равнодушною къ тому вниманію, какое онъ мнѣ оказываетъ. . . . Но вотъ и братецъ мой!“ . . . . . Онъ вошелъ, сопровождаемый Барономъ и Баронессою де Сентъ-Альба, и мы присоединились къ нимъ, чтобы провести въ такой пріятной компаніи остальную часть утра.“

„Сіе новое свиданіе съ молодымъ Маркизомъ совершило для него обладаніе моимъ сердцемъ. До сихъ поръ соблюдала я все, что предписывали законы самой строгой скромности, что бы онъ не замѣтилъ, происходившаго въ душѣ моей; но теперь была не въ силахъ совершенно управлять собою, и скоро начала бояться, что бы онъ не угадалъ моихъ чувствованій.“

„Прошло два мѣсяца, въ которыя молодой Маркизъ ни однажды не говорилъ со мною о любви; наши свиданія ограничивались пріятными разговорами о дружбѣ, тонкими вѣжливыми шутками и почтительными комплиментами, которые иногда раждали во мнѣ скуку; признаюсь, что я желала чего то большаго. Однажды зашелъ между нами разговоръ о любви: сердце мое сильно забилось. . . . Маркизъ приступилъ ко мнѣ, чтобы я отвѣчала на одинъ, предложенный имъ, вопросъ. Вдругъ краска вступила у меня въ лице; я пришла въ нѣкоторое замѣшательство, чтобъ не обнаружить страхъ свой какими нибудь выраженіями и не открыть истинну моихъ чувствованій. . . Онъ понялъ видъ мой, и тотчасъ возразилъ: „Синьôра, я былъ бы въ отчаяніи, когда бы молодая особа вашей красоты и вашихъ достоинствъ сдѣлалась такъ нещастлива, что испытала бы начальственность этой страсти безъ равной съ другой стороны соотвѣтственности. Въ ту жь минуту онъ съ пріятностію поклонился, и оставилъ залу съвидомъ смущеннымъ.“

„Сіи не многія слова и нечаянной столь скорой выходъ оставили меня въ величайшемъ изумленіи; я была увѣрена, что онъ проникнулъ мою тайну, и въ гнѣвѣ на самое себя вышла заперѣться въ своей комнатѣ, гдѣ и предалась всѣмъ размышленіямъ, какія только могло родить слѣдствіе моей слабости.“

„О чемъ помышлялъ молодой Маркизъ, и какое чувство могло въ него внушить сказанное мнѣ? Вотъ на чемъ старалась я основать догадки, между тѣмъ какъ мой умъ не могъ быть успокоенъ ни одною.“

„Въ самомъ дѣлѣ, съ этой минуты молодой Маркизъ, казалось, началъ меня убѣгать; онъ не такъ уже часто посѣщалъ свою сестру: естьли случалось намъ встрѣтиться въ саду; то обращенiе его со мною было, какъ будь то напередъ обдуманное; оно никогда не измѣняло чрезвычайной скромности и почтительности; при томъ я замѣтила нѣкоторую молчаливость, которой не имѣлъ онъ обыкновенiя хранить въ обхожденiи съ другими.“

„Я открыла свое сердце Розалiи, отъ которой ничего не утаивала; сообщила ей безпокойства свои о томъ, что замѣтила въ поведенiи брата ея, относительно ко мнѣ. Она, принявъ самое искреннее участiе въ моемъ неудовольствiи, употребила усилiя, отвратить, возраждавшуюся во мнѣ, страсть; но всѣ доводы ея не могли ослабить живѣйшей моей склонности къ любезному Маркизу.“

„Не могши далѣе переносить столь холоднаго равнодушiя со стороны перваго, единственнаго мущины, котораго я любила еще, и которому никогда не надѣялась понравиться, сердце мое не въ силахъ было преодолѣть своей горести; я сдѣлалась опасно больна. Въ моемъ печальномъ состоянiи милый образъ Маркиза безпрестанно представлялся моему воображенію; онъ возбуждалъ во мнѣ и любовь и негодованіе.“

„Я рѣшилась однако жъ попытаться, забыть нечувствительнаго. Призвала себѣ въ помощь весь свой разсудокъ; противопоставила любезностямъ его свое хладнокровіе; предполагая же въ немъ намѣреніе уморить меня, и представляя себѣ самымъ недостойнымъ и самымъ оскорбительнымъ поступокъ его въ тотъ нещастный день, въ который боялась я обнаружить тайну моего сердца, остановился разумъ мой, принявъ сіе за поруганіе, оказанное благородной гордости наслѣдницы Монтальда; его одного было довольно для утишенія страсти моей: чѣмъ больше обращался онъ въ мысляхъ моихъ, тѣмъ менѣе чувствовала я разположенія возбудить свою любовь.“

„Здоровье мое стало поправляться, и я радовалась успокоенію своихъ чувствованій, какъ батюшка получилъ записку отъ Барона, извѣщавшую его, что онъ съ своею супругою, дочерью и племянникомъ пріѣдетъ провести съ нами вечеръ. Не съ большею быстротою сообщается Электрическая искра, съ какою сія новость истребила во мнѣ все непріязненное предубѣжденіе противъ молодаго Маркиза. При всей, продолжавшейся еще, болезни своей ни очемъ я болѣе не думала, какъ только, что бы придти въ состояніе занять свое мѣсто въ семъ обществѣ, и употребила послѣобѣденные часы на испытаніе силъ своихъ и принятіе такого вида, которой бы не далъ во мнѣ замѣтить ни малѣйшаго смущенія.“

„Молодой Маркизъ показался мнѣ въ этотъ разъ еще въ большемъ блескѣ своихъ любезностей, нежели когда нибудь прежде; онъ имѣлъ ко мнѣ весьма примѣтное вниманіе, которое мнѣ льстило не сказанно, и заставило меня упрекать себя, что напрасно подозрѣвала его въ холодности и пренебреженіи, Его просили что нибудь пропѣть: онъ выбралъ самой жалобной романсъ, котораго каждой куплетъ оканчивался сима словами: *Увы! я нещастливъ въ разлукѣ съ тобою!* . . . Бывши произносимы съ выраженіемъ нѣжности, онѣ выходили еще трогательнѣе отъ пріятной мелодіи его голоса и отъ аккордовъ лютни, на которой онъ аккомпанировалъ себѣ; при каждомъ повтореніи оныхъ взоръ его обращался ко мнѣ. -- Не нужно было ничего болѣе, для воспламененія въ моихъ чувствахъ огня, самаго пожирательнаго. Это посѣщеніе подвергло меня величайшей опасности; потому что сердце мое никогда не было такъ возмущено.“

„На другой день Розалія приходитъ одна увидѣться со мною. Я спросила ее о миломъ братцѣ. „Онъ очень боленъ!“

отвѣчала она. — „Боленъ! Боже мой! . . . .“ вскричала я — „Онъ не можетъ ни ѣсть, ни спать,“ продолжала Розалія, „онъ въ жестокой тоскѣ. . . . Это сокрушаетъ и меня, любезная Палмира; по тому что онъ самый лучшій изъ всѣхъ людей на свѣтѣ, и, можетъ быть, самый нещастный. . .“

— „Что вы хотите сказать, моя милая Розалія?“ — „На этотъ разъ ничего болѣе: я спѣшу къ нему. Прости до завтрешняго утра, моя любезная Палмира!“

„Маркизова болѣзнь глубоко меня тронула! Не менѣе такъ же безпокоило меня незнаніе причины оной; особливо нѣкоторыя слова, сказанныя мнѣ Розаліею, которыя, каэтомъ произшествіи, ни даже объ отсрочкѣ нашего путешествія по горамъ, о которой я не щитала нужнымъ увѣдомлять его до рѣшительной минуты.

Прошло два дни, Графъ все еще оставался въ душевномъ волненіи и холодности къ своей супругѣ; а мы обѣ въ печали и невѣдѣніи о, столь желаемой, нашей прогулкѣ. Меня чрезвычайно занимало странное поведеніе этого человѣка, которой, за нѣсколько минутъ до полученія нещастнаго письма, оказывалъ ко мнѣ самое почтительное и самое искреннее вниманіе; а дорогой своей Пальмирѣ расточалъ самыя нѣжныя ласки. Напрасно старалась я проникнуть въ побудительныя причины, которыя столь непредвидѣнно могли нарушить наше спокойствіе; не въ состояніи бывши основаться на какой нибудь догадкѣ, я терялась въ разныхъ, приходившихъ мнѣ въ голову, мысляхъ.

Вдругъ и противу всякаго чаянія общее неудовольствіе, ставшее столь явнымъ, будто бы изчезло; дано было знать объ отъѣздѣ къ горамъ: это возвратило на лица наши веселость; однако жъ въ Физіономіи Графа примѣтна была печать стѣсненной скорби; но которую онъ старался таять, принуждая себя съ такимъ напряженіемъ быть веселымъ, что Палмирѣ и мнѣ казалось это не весьма натуральнымъ.

тотчасъ ее возвращу ему, какъ скоро найдется.“ Розалія, поблагодаривъ меня, пошла къ своему брату.“

„Въ ту же минуту я увѣдомила Матушку о Маркизовой болѣзни, давъ ей знать и о томъ, что слышала отъ Розаліи о коробочкѣ. Немѣдленно всѣмъ домашнимъ отданъ былъ приказъ вездѣ и съ великимъ раченіемъ ее искать, къ чему и приступили они тотъ же часъ.“

„На слѣдующій день, когда я одевалась, Жанетта прибѣжала ко мнѣ, и, почти задыхаясь, вскричала: „Она у меня! она у меня, сударыня!“ — „Что такое, Жанетта?“ — „Я нашла прекрасную коробочку Господина Маркиза . . . . Вотъ она!“ Я съ радостію взяла ее у нее. „Хорошо,“ сказала я Жанеттѣ, „ты будешь награждена.“ -- „Извините, сударыня, я исполнила свою должность.“ —„ Это прекрасно; поди же теперь, дай знать въ домѣ, что она найдена.“ — Когда она вышла; то стала я разсматривать коробочку, и увидѣла, что она была весьма дорогой цѣны; я полюбопытствовала открыть ее; но въ ту же минуту была наказана за свою нескромность; она заключала въ себѣ миніатюрный портретъ самой прекрасной особы женскаго полу, какую только можно вообразить. Сей видъ произвелъ во мнѣ *такое* чувство, какого я не испытала еще; онъ возмутилъ во мнѣ душу, колѣни мои подогнулись, и я упала на полъ почти безъ чувствъ.“

„Пришедши къ себя, я собрала нѣсколько силъ, и съ великимъ трудомъ доползла до софы. Я позвонила и сказала, вошедшей, дѣвушкѣ, что мнѣ сдѣлалось дурно; но береглась открыть подлинную причину. Призвала матушку, которая и приказала положить меня на постѣлю. Я просила ее оставить меня отдохнуть и дать знать Розаліи, что желаю съ нею увидѣться.“

„Я имѣла предосторожность послѣ обморока спрятать роковую коробочку. Оставшись одна, испытывала я бодрость свою, не могу ли безъ новой опасности поглядѣть еще на тотъ предметъ, которой въ первой разъ возпалилъ въ сердцѣ моемъ чувство ревности. Я хотѣла увѣрить себя, что видѣла черты Розаліи; наконецъ трепещущею рукою, силясь укротить въ себѣ душевное волненіе, открыла я опять коробочку. Со всемъ вниманіемъ, къ какому только была способна въ эту минуту, разсматривала я портретъ опасныхъ прелестей, обладавшихъ сердцемъ прекраснаго Маркиза, и тотчасъ убѣдилась, что онъ не былъ образъ моей подруги."

„Поглядѣвши довольно долгое время и съ великою грустію на сію плѣнительную и столь щасливую красоту, я закрыла коробочку и, положивъ ее къ себѣ на подушку, съ нетерпѣніемъ ожидала приходу

Розаліи, чтобы узнать отЪ нея что нибудь о Маркизѣ и его любезной. Я вспомнила слова ея: что *онЪ не властенЪ отдать свое сердце....* Жестокое для меня воспоминаніе! ... ВЪ сихЪ короткихЪ словахЪ и — вЪ произшествіи сЪ коробочкою — нашла я весьма ясное для себя изЪясненіе.“

* * *

ГЛАВА IV.

„Синьйора Розалія не заставила себя долго ожидать; она вошла вмѣстѣ сЪ посланнымЪ за нею, вЪ сопровожденіи моей матушки и нѣкоторыхЪ другихЪ домашнихЪ особЪ. Она сѣла возлѣ моей постѣли, взяла у меня руку, и изЪявила свое удивленіе и скорбь о моемъ состояніи."

„Когда матушка и прочіе удалились; то я сказала Розаліи, что надѣюсь успокоить сердце братца ея, относительно къ его коробочкѣ; потому что я ее нашла. Въ ту же минуту предложила я ей коробочку: она приняла ее съ радостію; но я заботилась узнать даму, которой портретъ въ ней находился. И такъ просила своего друга — изъясниться и открыть мнѣ истинну, прибавивъ, что, судя по прелестному лицу незнакомки, потѣряла я всю надежду на предпочтеніе со стороны Маркиза."

„Розалія чрезвычайно смутилась; неотступныя просьбы мой извѣстить меня, кто пакова были эта дама, казалось, приводили ее въ большее и большее замѣшательство; но ея чистосердечіе, въ соединеніи съ искренностію дружескихъ между нами чувствованій, отчуждали отъ нея мысль употребить ложь; и она такъ начала мнѣ говорить:

„Я сокрушаюсь, Палмира, при одномъ помышленіи, что твоя Розалія причиняетъ тебѣ страданія! Но положеніе твое, нѣжный другъ мой, убѣждаетъ меня въ необходимости вывесть тебя изъ того заблужденія, въ которое ты впала столь нещастнымъ образомъ. Вспомни, что я хотѣла тебя отвратить отъ сей пагубной привязанности! Хотя тогда не могла я, и не должна была обнаружить

Маркизовой тайны, даже еще, естьли бъ не случай съ коробочкою, которую любопытство твое покусилось открыть.“ . . . Она остановилась, и смотрѣла на меня, какъ будто ожидая, что я на это скажу.“

— „Такъ, я ее открыла, и увидѣла лице самой прекрасной особы, какую только могла когда нибудь образовать природа. Естьли Маркихъ влюбленъ въ сію красавицу; то я не сомнѣваюсь болѣе въ своемъ нещастіи“ — „Еще болѣе, Палмира!“ возразила Розалія, „онъ супругъ ея! Уже мѣсяцовъ шесть, какъ они соединены бракомъ.“ — „Соединены бракомъ, соединены бракомъ!“ вскричала я; и нѣсколько минутъ пребывала въ безмолвномъ изумленіи и жесточайшемъ стѣсненіи груди. Наконецъ сердце мое изнемогло; слезы полились у меня ручьями; не возможно было описать моей горести. — Надлежало быть въ положеніи, подобномъ моему, что бы получить понятіе о смятеніи всѣхъ моихъ душевныхъ способностей въ ту минуту, въ которую услышала, что Маркизъ былъ женатъ. Чувство негодованія вдругъ привело меня въ себя; съ великимъ усиліемъ приняла я видъ нѣкотораго хладнокровія, и сказала своей подругѣ, что я нѣсколько успокоилась и даже расположена все перенести съ твердостію. Я умоляла ее разсказать мнѣ исторію Маркиза и прекрасной женщины, которой видѣла изображеніе. Розалія изъявила мнѣ скорбь свою, что я такъ крушуся, и страхъ увеличить мое мученіе дальнѣйшимъ расказываніемъ. Я увѣряла ее, что чувствую себя въ силахъ выслушать всё, и, послѣ обѣщанія моего слушать ее спокойно, такъ начала она продолжать:

Исторія Себастіана де Сентъ-Беральти и Адилаиды де Солано.

„Маркизъ де Сентъ-Беральти, отецъ Себастіановъ, и Графъ де Солано, отецъ Аделаиды (вотъ имя дамы въ портретѣ) жили въ сосѣдствѣ между собою въ Локарно, такъ какъ мы здѣсь; но не въ такомъ добромъ согласіи. — Съ самыхъ отдаленныхъ временъ поселилась между сими двумя фамиліями жестокая непріязнь, которая вводила ихъ въ безпрестанныя ссоры и запрещала имъ всякое собщеніе одной съ другою.“

„Или потому, что сія непреодолимая ненависть не переходила въ добрыя сердца Аделаиды и Себастіана; или что тягостное иго, подъ которымъ тиранъ Солано содержалъ всѣхъ домашнихъ, удалило отъ его дочери это свирѣпое чувство. Не могла она смотрѣть на то равнодушно, что Себастіанъ старался приобрѣсть ея къ себѣ расположеніе; и такимъ образомъ начали они бросать другъ на друга благосклонные взоры. Часто встрѣчались они въ разныхъ мѣстахъ, которыя каждому изъ нихъ надлежало посѣщать; но рѣдко получали случай между собою разговаривать. Прелести Аделаиды уже сдѣлали глубокое впечатлѣніе на сердце Себастіана. Какъ въ одинъ день, находясь вмѣстѣ съ нею на шумномъ балѣ, былъ онъ столько щастливъ, что досталось ему танцовать съ сею любезною красавицею. Съ этой минуты почувствовалъ онъ себя плѣнникомъ, и никогда уже немогъ полюбить другой.“

„Себастіанъ всякой день могъ видѣть Аделаиду въ ея саду и воспользоваться тѣмъ, что она прогуливалась въ немъ одна, что бы посредствомъ письма изъясниться ей въ своей любви; но страхъ испугать невинность ея, или причинить ей какую нибудь непріязность, естьли бы, по нещастію, стали подозрѣаать ее въ связи съ его домомъ, удерживали его въ границахъ самой строгой скромности.

„Аделаида съ своей стороны чувствовала такую же нѣжность къ Себастіану; но не смѣла въ ней признаться, хотя сердце ея вздыхало втайнѣ о непріязненномъ и тиранскомъ поведеніи ея родителей.‘

„Такимъ образомъ изъ смѣжныхъ садовъ своихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видались они другъ съ другомъ, не сомнѣваясь, что бы не могли когда нибудь обуздать своихъ сердецъ, и не предполагая въ себѣ другаго чувствованія, кромѣ взаимнаго соболѣзнованія, взуженнаго безразсудною ненавистію, разлучавшею ихъ фамиліи. Увы! какъ иногда опасна жалость для невиннаго сердца! . . . . Аделаида утѣшалась, видя Себастіана; а Себастіанъ ощущалъ не менѣе душевнаго удовольствія, видя Аделаиду.“

„Не въ силахъ бывши далѣе скрывать отъ обладательницы своего сердца, пожиравшее его, пламя, Себастіанъ рѣшился наконецъ изъясниться ей въ своей любви. Въ дальнемъ мѣстѣ сада его находился Павильонъ, котораго одна сторона примыкала къ стѣнѣ сада Графа Солано; подъ предлогомъ нѣкоторыхъ поправокъ, нашелъ онъ средство сдѣлать въ него небольшое отверстіе, не подавши повода ни къ какому подозрѣнію. Сіе отверзтіе входило въ рощицу, куда Аделаида всякой день удалялась отъ солнечнаго жару.“

„Однажды, какъ скоро прекрасная появилась въ этой рощицѣ, Себастіанъ, ожидавшій прихода ея, выкинулъ сквозь отверзтіе письмо, выражавшее самыя нѣжныя чувствованія. Аделаида подняла его, не сомнѣваясь, чтобы не примѣчалъ за нею влюбленный Себастіанъ, которой пришелъ въ восхищеніе, видя, что оно произвело въ ней желаемое дѣйствіе. Онъ осмѣлился вступить съ нею въ разговоръ. — Плѣнительность его словъ сдѣлала ее снисходительною; и она въ отвѣтахъ своихъ подала ему нѣкоторую надежду.“

„Чтобы сократить мое повѣствованіе, скажу я, что прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ перепискѣ такого роду, весьма неудовлетворительной для любовниковъ, пылавшихъ другъ къ другу одинаковымъ огнемъ. — Какъ нѣкогда согласились они сойтися въ хижинѣ одного святаго отшельника, отстоявшей почти на цѣлую милю отъ ихъ дому, и построенной на развалинахъ церкви Св. Маргариты, отъ которой оставалась еще подземельная часовня: тамъ хотѣли они утвердить торжественною клятвою свои обѣты. -- Всѣ ихъ желанія ограничивались взаимною любовію; потому что они были увѣрены, что напрасно ожидали бы своего соединенія отъ, враждовавшихъ, родителей. И такъ, не смотря на нѣкоторое сопротивленіе совѣсти, рѣшились они на тайной бракъ, какъ единственное средство укрѣпить обладаніе другъ другомъ.“

„Часъ отъѣзда въ хижину приближался; уже наступила глубокая ночь; небо, покрывшееся густыми облаками, увеличило мракъ оной. Вдали раздается громъ; подымается холодной вѣтръ и шумитъ листьями, колебая вершины деревъ; потомъ, усиливаясь болѣе и болѣе, вдругъ превращается въ страшной ураганъ, котораго порывистые вихри ломаютъ и опрокидываютъ все, что имъ встрѣчается; яркія молніи извиваются въ черныхъ тучахъ, изъ которыхъ проливается дождь, и которыя съ оглушающимъ трескомъ разрываются громовыми ударами. Сія гроза поражаетъ ужасомъ душу робкой Аделаиды, которая принимаетъ ее за предзнаменованіе бѣдствій, долженствующихъ неминуемо послѣдовать за противузаконнымъ ея поступкомъ. Устрашаемая будущимъ, предпринимаетъ она отвратить своего любезнаго отъ обманчиваго призрака щастія, которое надѣялись они основать на тайномъ бракѣ. Не зная на что рѣшиться, она мѣдлитъ нѣсколько минутъ; но любовь овладѣваетъ ею: она дала слово, и Себастіанъ ее . . . . ожидаетъ. — Безтрепѣтно предъ неумолимою грозою, поспѣшаетъ она къ хижинѣ среди проливнаго дождя и страшнаго сверканія молній. Себастіанъ былъ тамъ уже давно, и сердце его трепещетъ отъ любви и нетерпѣнія. Наконецъ онъ слышитъ, что кто то приближается; окликаетъ и узнаетъ по голосу свою любезную; съ быстротою молніи бросается онъ къ ней. Взявши въ объятія, онъ принесъ ее въ келью отца Франциска, гдѣ съ восторгомъ изъяснился ей, сколь онъ счастливъ, обладая ею; изъявивъ притомъ свое удивленіе и признательность за то, что она отважилась пуститься въ такой опасной путь, для выполненія своего обѣщанія. Между тѣмъ добрый отшельникъ развелъ огня болѣе, прибавивъ къ нему виноградныхъ лозъ; потомъ, поправивъ свою лампаду, разливавшую слабой свѣтъ въ семъ уединенномъ убѣжищѣ, пригласилъ Аделаиду обсушить платье."

„Они сѣли возлѣ очага; Аделаида на маленькой скамѣйкѣ, единственномъ стулѣ, находившемся въ кельѣ; а Себастіанъ возлѣ ней на полу, взявши ее за руку, которою оперлась она на его колѣна. --- Со времени прихода своего она едва молвила два слова; видъ ея былъ задумчивъ, глаза заплаканы, и глубокія вздохи выходили изъ ея груди. „У тебя тяжело на сердцѣ? моя Аделаида!" сказалъ ей Маркизъ: „Ты о чемъ-то скорбить?" — „Нѣтъ..., нѣтъ! . . . . мой милой Себастіанъ!“ отвѣчала она съ замѣшательствомъ; и потомъ ободрившись нѣсколько, продолжала: „Но мнѣ должно предъупредить тебя, что не то меня привело сюда, чего имѣешь ты право отъ меня ожидать. Отложимъ, мой милой Себастіанъ! Отложимъ до времени, больше благопріятнаго, совершеніе такого священнодѣйствія, которое, кажется, не одобряетъ прогнѣванное небо! — Громъ, гремящій надъ нашими головами, утомляетъ мою душу горестными предчувствованіями, и совѣсть моя отказывается позволить мнѣ согласиться на брачной союзъ при такихъ страшныхъ предзнаменованіяхъ. Я тебѣ обѣщала быть въ семъ священномъ мѣстѣ; отважилась на всё, что бы не измѣнить своему слову, и что бы не ввести тебя въ сомнѣніе о моихъ желаніяхъ. Теперь, милой Себастіанъ, зная ихъ, не огорчай меня подозрѣніями, что любовь моя къ тебѣ охладѣваетъ! Что бы со мною ни случилось; но Аделаида клянется, что ты вѣчно будешь жить въ моемъ сердцѣ!"

„Себастіанъ былъ вмѣстѣ и радостенъ и печаленъ; но дѣйствіе сихъ двухъ чувствованій было въ немъ удержано ихъ взаимнымъ сопротивленіемъ: онъ съ нѣжностію смотрѣлъ на свою любезную; въ глазахъ его живо изображались и душевное удовольствіе, которое онъ вкушалъ, получивъ столь совершенное доказательство любви ея и довѣренности, и то мученіе, которое причинялъ ему страхъ, что бы она не сдѣлалась не преклонною. Онъ вступилъ съ нею въ самой страстной разговоръ, въ которомъ употреблялъ наиубѣдительнѣйшіе доводы, стараясь отвратить отъ ней всѣ сомнѣнія. Аделаида, смущенная, увлекаемая сладостнымъ и нѣжнымъ краснорѣчіемъ своего любезнаго, противопоставляла однѣ слабыя замѣчанія, которыя обнаруживали только нерѣшительность ея сердца: тогда Себастіанъ, воспользовавшись такимъ расположеніемъ своей Аделаиды, бросается къ ея ногамъ; потомъ, обнявъ ея колѣна, умоляетъ ее уважить опасность, отсрочивать такое священнодѣйствіе, которое долженствовало утвердить ихъ соединеніе, прибавивъ, что естьли они упустятъ сей случай; то, можетъ быть, навсегда потеряютъ другъ друга."

„Пораженная сими послѣдними словами, нѣжная Аделаида согласилась на совершеніе священнаго обряда, препоручивъ будущаго своего супруга и себя милосердой волѣ Провидѣнія. Восхищенный радостію, Себастіанъ взялъ свою милую за руку, и, безъ всякихъ свидѣтелей, кромѣ отца Франциска, пошли они въ часовню, сопровождаемые симъ благочестивымъ монахомъ, которой, держа въ рукѣ горящій факелъ, свелъ ихъ въ подземелье, гдѣ, прошедши длинную безмолвную галлерею, образуемую готическими арками, предстали они къ подножію маленькаго Олтаря, которой освѣщала надгробная лампада. Тамъ то, повергшись на колѣна предъ изображеніемъ Божества, положа одну руку на свою грудь, а другою обнявъ другъ друга, въ знакъ соединенія, сіи нѣжные любовники съ благоговѣніемъ произнесли клятву въ вѣчной вѣрности, и были нарѣчены супругами служителемъ Божіимъ."

„Важность обстоятельства, соединенная съ унылымъ видомъ и холодностію сего мѣста, произвели въ боязливой Аделаидѣ дрожаніе во всѣхъ членахъ; но оно въ минуту прошло, какъ скоро она оставила сіе подземелье, Принявъ благословенія отъ благочестиваго отца, они тотчасъ удалились къ своимъ домамъ.“

„Теперь Аделайда, успокоивъ свою совѣсть, уже не робѣла, оставаясь одна съ Себастіаномъ: онъ былъ ея супругъ. Она первая предложила удобные случаи проводить время вмѣстѣ; и они не преминули видѣться по нѣскольку разъ въ каждой день.“

„Графъ де Солано далекъ былъ отъ того, что бы подозрѣвать дочь свою въ какой нибудь связи съ Молодымъ Маркизомъ де Сентъ - Беральти. — Аделаида конечно знала это; но сіе скромное супружество, хотя удовлетворяло самымъ тайнымъ желаніямъ сердца ея, не замѣдлило однако жъ причинять ей живѣйшія безпокойства; особливо, какъ скоро она замѣтила невозможность утаить дѣйствія. . . .“

„Себастіанъ съ своей стороны тѣмъ болѣе тревожился, чѣмъ становилось яснѣе состояніе его супруги. — Бывъ еще подчиненъ власти родительской, онъ не могъ открытымъ образомъ взять ее подъ свое покровительство, ниже найти какое нибудь средство уменьшить ея страхи. Вмѣстѣ бѣжать, или жить, сохраняя въ тайнѣ ихъ супружество, казалось весьма позорнымъ для ихъ званія безчестіемъ, Наконецъ рѣшились открыться во всёмъ своимъ родителямъ, что бы съ ними ни случилось.“

„Отецъ Себастіана былъ человѣкъ правдолюбивый, просстосердечный и весьма честныхъ правилъ, по чему и могъ онъ надѣяться получить отъ него прощеніе; но не такова была — Графиня де Солано, которой гордость и мстительность заглушали у ней всё чувство человѣчества. Кротость и чувствительность Аделаиды были ей всегдашнею укоризною въ жестокости ея характера: и такъ могла ли сія нещастная питать хотя малѣйшую надежду смягчить свою мать?"

„Рѣшившись выдержать страшную развязку, долженствовавшую послѣдовать за ея признаніемъ, она бросилась наконецъ къ ногамъ своей матери, и, проливая слезы, открыла ей свое подлинное состояніе. Свирѣпая Графиня оттолкнула ее съ бѣшенствомъ; осыпала ругательствами; поклялась отмстить самымъ жестокимъ образомъ какъ ей, такъ и ея похитителю за причиненное дому ея, безчестіе, и оставила въ отчаяніи и слезахъ, простертую на полу.“

„Уже болѣе четверти часа находилась она въ такомъ состояніи, когда Графъ, отецъ ея пришелъ къ ней съ двумя служителями, и, не сказавъ ничего предварительно, приказалъ ей встать и слѣдовать за нимъ. Она повиновалась. У схода съ лѣстницы ожидала ихъ карета. — Аделаида сѣла въ нее, за нею Графъ и кучеръ ударилъ по лошадямъ.“

„Аделаида, не смѣя отворить рта, только тяжело вздыхала. — Графъ сидѣлъ съ нахмуренными бровями, не говоря ни слова, и во всю дорогу не бросилъ на дочь свою ни одного взгляда.“

„По прошествіи часовъ четырехъ, карета остановилась у воротъ одного древняго, почти развалившагося, монастыря, въ которомъ уже не жили монахини, а только три, или четыре нещастныхъ твореній, нашедшихъ здѣсь убѣжище отъ непогоды, по неимѣнію другаго.“

„Видъ сего дикаго жилища исполнилъ страхомъ душу Аделаиды, придавъ ей силы прервать, хранимое ею до сихъ поръ, молчаніе. Обратившись къ Графу, она его спросила: „для чего онъ привезъ ее въ это ужасное мѣсто?“

— „Для того,“ отвѣчалъ отецъ ея, „чтобы наказать тебя и скрыть твой и мой позоръ. Здѣсь ничего не будешь ты имѣть, кромѣ необходимаго для жизни; я хочу дать тебѣ почувствовать разность между наслажденіями, которыя ты находила въ нѣжной привязанности твоихъ родителей, тебя любившихъ, пока они вѣрили твоей добродѣтели и покорности, и между бѣдною и безлюдною жизнію, какую должна ты проводить въ семъ печальномъ мѣстѣ. Я назначилъ время, когда тебѣ возвратиться въ мой домъ; но не забудь, что я никогда не взгляну на младенца, котораго носишь подъ сердцемъ, и которой, по твоимъ словомъ, принадлежитъ сыну моего врага, призходя отъ моей крови; и запрещаю тебѣ при томъ, подъ угрозами вѣчнаго проклятія, никогда не произносить въ моемъ присудствіи ни имени твоего соблазнителя, ни имени твоего младѣнца.“ Не дождавшись Аделаидина отвѣта, онъ съ негодованіемъ оставилъ ее, провожаемый двумя своими слугами, и строго наказавши женщинамъ, что бы не позволяли ей видаться, съ кѣмъ бы то ни было, сѣлъ опять въ карету и уѣхалъ.“

„Скорбь такъ сильно овладѣла нещастною Аделаидою, что, при возвращеніи, приставленныхъ къ ней, женщинъ, немогла она выговорить ни одного слова. Въ семъ молчаніи замѣтила она, къ великому своему удивленію, что онѣ, при всѣхъ грубыхъ ухваткахъ своихъ, оказывали ей глубокое уваженіе и рабскую услужливость, которыя тотчасъ облегчили горесть ея нѣкоторою надеждою.“

„Она сказала, что желала бы отдохнуть въ отведенномъ для нея, покоѣ. Ее повели по изломанной лѣстницѣ во второй этажъ, и она вошла въ неопрятную комнату, въ которой стояла едва годная кровать, весьма грубой отдѣлки столъ и два соломенныя стула. Сердце ея стѣснилось опять, при видѣ такой нищеты. Прошедши по комнатѣ, усмотрѣла она съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что окна оной были въ поле, и что она могла услаждать свое зрѣніе весьма обширнымъ и довольно пріятнымъ сельскимъ видомъ. Сія часть монастыря была, остатокъ отъ, принадлежавшаго къ церкви, строенія, которое, казалось, имѣло великолѣпную архитектуру, прежде нежели коса времени умалила, по крайней мѣрѣ, въ четверо первобытную его величественность. Въ ней находилось великое число комнатъ, хотя не меблированныхъ, какъ занимаемая Аделаидою, и пространныхъ залъ, служившихъ жилищемъ для ея бѣдныхъ охранительницъ; всѣ прочія были не обитаемы и обвалились отъ вѣтхости.“

„Во второй день своего заключенія Аделаида съ удивленіемъ увидѣла, пріѣхавшаго отъ ея отца, слугу, которой принесъ ей узелъ съ платьемъ и вручилъ письмо слѣдующаго содержанія: ,,Часто я досадую на ,,самаго себя, Аделаида, когда ,,помыслю о слѣдствіи твоего ,,не пристойнаго поведенія, упрекая себя въ излишней къ ,,тебѣ снисходительности и горячности. Тебѣ извѣстна однакожъ высокая степень ненависти, какую всегда чувствую къ Маркизу и ко всему его семейству. Подлинно, ,,ты должна проклинать себя, ,,что могла согласиться смѣшать кровь свою съ тою, ,,къ которой отецъ твой хвалится непримиримою непріязнію. Какъ можешь ты хладнокровно переносить свой ,,стыдъ и свое посрамленіе,

„дочь неблагодарная и непо„корная?“ . . .

„Посылаю тебѣ нѣкоторыя „изъ твоихъ спальныхъ платьевъ; довольно тебѣ ихъ въ „твоемъ уединеніи: при томъ „ты не должна надѣяться, выд„ти когда нибудь изъ своего „униженія и возвратить къ „себѣ почтеніе и родительскую „любовь, прежде нежели вовсе „и навсегда истребишь изъ „мыслей того, кто тебя обезчестилъ.“

„Давно я подозрѣвалъ те„бя въ связи, которой ты сдѣ„лалась жертвою; по чему за„ранѣе приготовилъ для тебя „жилище, въ которомъ теперь „находишься: но что бы при„вести тебя сюда, ожидалъ, „когда мои подозрѣнія выдутъ

„дѣйствительны; и ты сама „призналась Графинѣ въ своемъ гнусномъ проступкѣ. Въ „послѣдній разъ ты слышишь „обо мнѣ до тѣхъ поръ, когда „увѣрюсь; что мнѣ можно писать къ тебѣ, какъ должно „къ моей дочери.“

„Солано.“

„Чтеніе сего жестокого и безжалостнаго посланія, заставило Аделаиду проливать горькія слезы. Дожидавшійся слуга спросилъ, не потлетъ ли она отвѣта? „Нѣтъ!“ было единственное слово, которое она сказала.“

„Сколь ни велика была горесть ея при чтеніи письма отъ нечувствительнаго родителя; однако жъ тоска по миломъ Себастіанѣ взяла послѣ верьхъ надъ оною. „Что онъ подумаетъ обо мнѣ," говорила она про себя, „не находя меня ни гдѣ? Можетъ быть, онъ не знаетъ еще, что произошло со мною; а я не нахожу средства о томъ его увѣдомить"....При ней было нѣсколько золотыхъ монетъ; ей пришло въ голову употребить ихъ на подарки которой ни будь изъ ея охранительницъ, что бы склонить ее доставить отъ ней письмо къ ея супругу; но страхъ быть обманутою понудилъ ее отвергнуть сей опасной способъ, и она захотѣла рѣшеніе участи своей лучше предоставить Всевѣдущему Промыслу."

„Цѣлая недѣля прошла въ тоскѣ, страхѣ и печальныхъ размышленіяхъ. Наконецъ Аделаида почувствовала необходимость познакомиться покороче съ ея тюремщицами, въ надеждѣ нѣсколько усыпить ихъ бдительность и получить себѣ болѣе свободы. Она не обманулась въ своемъ ожиданіи: скоро замѣтила она, что ихъ чувства, хотя и рабскія, были не столь суровы, какихъ могъ отъ нихъ ожидать безжалостный Графъ Солано. Тихость ея нрава и чрезвычайная въ ней любезность заставили ихъ взирать съ нѣкоторымъ состраданіемъ на столь нещастное ея положеніе; и такимъ образомъ удалось Аделаидѣ пріобрѣсть отъ нихъ нѣсколько довѣренности. Тогда она рѣшилась приготовить заранѣе письмо и хранить его при себѣ до тѣхъ поръ, когда благопріятная минута позволитъ ей доставить оное къ ея любезному Себастіяну. Что бы получить къ тому случай, сказала о себѣ, что очень разстроилась въ своемъ здоровьѣ, и просила сдѣлать милость, позволить ей прогуливаться по окрестностямъ; на это согласились охотно, съ условіемъ, что бы кто нибудь ее провожалъ; и ей дали Клодину, дѣвочку лѣтъ тринадцати, еще не очень способную къ недовѣрчивости."

„Не далеко отъ нихъ была деревушка, куда Аделаида и пошла однажды для прогулки съ своею маленькою проводницею. Когда онѣ приближались къ ней; то Аделаида, будьто пожелала имѣть нѣсколько плодовъ, и упросила Клодину привесть ее въ одну хижину, гдѣ будь то, по ея мнѣнію, можно ихъ было достать. Плодовъ надлежало нарвать въ отдаленномъ мѣстѣ сада, лежавшаго позади хижины. Аделаида стала жаловаться на усталость, и сѣла у воротъ, поручивъ Клодинѣ пойти въ садъ съ хозяиномъ и выбрать лучшихъ плодовъ между тѣмъ, какъ она отдохнетъ.“

„Спустя нѣсколько минутъ, какъ они ушли, прошелъ мимо одинъ молодой крестьянинъ. Сей случай возбудилъ въ Аделаидѣ надежду. Она, подозвавъ его къ себѣ, сказала, естьли онъ можетъ оказать ей услугу, пойти теперь же въ Локарно, въ домъ Маркиза де Сентъ — Беральти; то она дастъ двадцать пистолей за его труды. Молодой крестьянинъ съ радостію принялъ такое предложеніе. „Вотъ," продолжала Аделаида, „вручи это письмо Себастіану де Беральти; возми теперь свои двадцать пистолей! Ты получишь отъ меня еще столько же, когда принесешь мнѣ отъ него отвѣтъ! Употреби все возможное, старание выполнить мое препорученіе! Скажи же, когда надѣешься ты возвратиться? Я буду ожидать тебя въ этомъ домѣ!" Молодой крестьянинъ обѣщалъ все сдѣлать въ точности и придти въ хижину на слѣдующій день ввечеру. Онъ отправился."

„Вотъ, что писала Аделаида къ своему Себастіану:

,,Дражайшій супругъ!

,,Графиня, мать моя посту-
,,пила со мною, кажется, безче-
,,ловѣчнымъ образомъ, когда я
,,упала къ ея ногамъ съ при-
,,знаніемъ о своемъ состояніи и
,,о своей къ тебѣ любви. Она
,,далеко оттолкнула меня но-
,,гою, какъ самое презрѣнное
,,твореніе, и съ укоризнами и
,,страшными угрозами вышла
,,изъ своей комнаты, что бы
,,увѣдомить батюшку. Съ этой
,,минуты я ее не видала. Онъ
,,тотъ же часъ пришелъ ко
,,мнѣ, велѣлъ меня посадить въ
,,карету, и отвезъ самъ въ та-
,,кое мѣсто, котораго не умѣю
,,назвать. Это древній, вѣтхій
,,портикъ, имѣющій по бокамъ
,,двѣ, почти развалившіяся, ба-
,,шни: кажется, онъ лежитъ у

„Альпійскихъ горъ. Можетъ „быть, ты его знаешь; естьли „нѣтъ; то податель сего пись„ма конечно тебѣ его опишетъ; „естьли я столько щастлива, „что удалось ему съ тобою го„ворить; потому что въ сію „минуту, въ которую пишу, „не знаю еще, попадется ли „письмо мое къ тебѣ въ руки. „Ласкаю себя надеждою, что „ты не мѣдленно, какъ скоро „получишь его, поспѣшишь на „помощь къ той, которая лю„битъ тебя болѣе своей жи„зни, которая отъ одного те„бя ожидаетъ своего освобо„жденія и которая съ твер„достію переноситъ несчастіе, „зная, что ты любишь ее, „и утѣшая себя тѣмъ, что „она твоя супруга.

„Аделаида де Сентъ-Беральти."

„Аделаида такъ была обрадована успѣхомъ въ своей хитрости, что съ трудомъ могла удерживать такое чувство передъ Клодиною, когда она принесла плоды. На другой день Аделаида съ нетерпѣніемъ ожидала часа, назначеннаго молодымъ крестьяниномъ; она опять изъявила желаніе своимъ охранительницамъ пойти въ деревню за плодами. Безъ труда получила она ихъ согласіе; но ей сказано было, что Клодины нѣтъ дома, и что она воротится не прежде вечера. Аделаида просилась съ такою пріятною кротостію, съ такою убѣдительностію, что женщины безъ всякаго сомнѣнія отпустили ее одну, однакожъ съ условіемъ, что бы она возвратилась прежде окончанія дня; по тому что боялись, какъ они говорили, что бы не случилось съ нею чего нибудь худаго."

„Какъ скоро пришла она къ хижинѣ; то съ радостнымъ изумлѣніемъ увидѣла, что крестьянинъ уже ожидалъ ее въ избѣ. Вышедши къ ней, сказалъ онъ, что отдалъ письмо въ руки Маркиза, что онъ не написалъ къ ней отвѣта потому, что вздумалъ самъ пріѣхать со мною." „Пріѣхать съ тобою!" вскричала Аделаида съ живостію; „Гдѣ же онъ теперь?" — „Въ саду, сударыня, покупаетъ плоды." — „Бѣги поскорѣе, скажи ему, что я здѣсь! . . . Ахъ нѣтъ. . . . Скажи ему, что я не замѣдлю къ вамъ придти; проведи его подалѣе въ другую сторону!" Молодой крестьянинъ весьма проворно исполнилъ ея наставленіе; ибо Аделаида скоро ихъ увидѣла; замѣтила, въ которую поворотили они сторону, купила, что предполагала нужнымъ и оставила хижину съ такимъ внутреннимъ движеніемъ, которое не въ силахъ была скрывать."

„Лишь только прошла она шаговъ сто, какъ усмотрѣла Себастіана, остановившагося съ молодымъ крестьяниномъ, а въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, дожидавшійся, экипажъ. Она поспѣшала къ нимъ присоединиться. Себастіанъ, подбѣжавъ къ своей супругѣ, об=

нялъ ее съ нѣжностію. Изъявивъ другъ другу живѣйшими ласками радость, что соединились опять, наградили они крестьянина гораздо болѣе, нежели сколько было ему обѣщано; и Себастіанъ съ горячею любовію, взявъ за руку свою милую Аделаиду, поспѣшно привелъ къ каретѣ, въ которую посадивъ ее, приказалъ своимъ слугамъ ѣхать на Сентъ-Бернардъ; потому что хотѣлъ проѣхать въ этомъ мѣстѣ чрезъ Альпы, чтобы, какъ можно, скорѣе пробраться во Францію, которая предлагала ему безопасное убѣжище отъ гоненій мстительнаго Солано; и они поѣхали съ невѣроятною скоростію.“

„Дорогою прежде всего начали они разговаривать о происшествіяхъ разлуки, которая постигла ихъ такъ неожиданно. Себастіанъ, не видя своей Аделаиды и ничего объ ней не слыша, погрузился въ самое горестное уныніе. Онъ часто видалъ Графа де Солано; но въ поступкахъ его не замѣтилъ ничего такого, что заставляло бы догадываться о какой нибудь перемѣнѣ въ его домѣ; а еще менѣе подозрѣвать, что у него вышло что нибудь съ его дочерью. Онъ страдалъ, не зная, что объ ней подумать, какъ молодой крестьянинъ кончилъ его мучительное недоумѣніе, принеся ему извѣстіе о милой его супругѣ. Положеніе Аделаиды требовало скорой помощи, и онъ въ ту же минуту отправился съ ея вѣстникомъ, рѣшившись освободить ее, хотя бы это стоило ему самой жизни.“

„Они ѣхали всё по одной дорогѣ до Мартинама. Уже наступила ночь, и, не находя никакой для себя неудобности здѣсь остановиться, они не захотѣли ѣхать далѣе для ночлега. На другой же день начали взбираться на страшную гору Сентъ-Бернардъ, которая, не смотря на безчисленныя задержки и опасности, которымъ были они подвержены, и которыя умѣли преодолѣть, казалась имъ неприступною преградою для ихъ гонителя.“

„Совершивъ сей трудный и опасный переѣздъ, они скоро увидѣли себя по ту сторону Альповъ и достигли, безъ всякаго нещастія, городка Саланша, гдѣ надѣялись основать на нѣкоторое время безопасное пребываніе. Они провели здѣсь недѣлю въ самыхъ вожделѣнныхъ наслажденіяхъ чистѣйшей любви, какія только могутъ вкушать истинные любовники, вздыхавшіе другъ по другѣ въ продолжительной неволѣ и наконецъ соединившіеся въ такой землѣ, гдѣ были въ безопасности отъ гоненій, произведенныхъ гордостію, ненавистію, своекорыстіемъ, или другими чувствами, изгоняющими всякое благоденствіе изъсемейства ослѣпленныхъ родителей.“

„Себастіанъ, восхищаемый радостію, что извлекъ свою супругу изъ тиранскихъ рукъ Солано, началъ помышлять такъ же о необходимости возстановить свою честь въ своей фамиліи и вездѣ, гдѣ только могло быть разглашено его похищеніе; потому что не сомнѣвался, что бы женщины, которымъ поручено было надзираніе за Аделаидою, не распространили далеко тревоги, какъ скоро увѣрились въ ея уходѣ. Онъ открылъ ей сіе намѣреніе; Аделаида его одобрила, и желала удалиться въ какой нибудь монастырь, чтобы тамъ жить во все время его отсутствія, и до тѣхъ поръ, когда бракъ его будетъ публично признанъ его родителями. Себастіанъ легко склонился на сіе желаніе и, имѣя родственницею себѣ Игуменью, къ которой и отправилъ свою супругу, сообщивъ ей напередъ ея исторію со всѣми подробностями. Они съ горестію разстались; однако жъ не безъ надежды скоро соединиться навсегда и свободно наслаждаться своимъ щастіемъ, даже въ нѣдрѣ двухъ, примирившихся, фамилій.“

„Чрезъ нѣсколько дней продолжавшагося пути, Аделаида прибыла въ монастырь, гдѣ принята была со всѣми знаками почтительности и вниманія, и гдѣ не замѣдлила заслужить особенное уваженіе отъ Игуменьи, которая скоро начала даже гордиться тѣмъ, что имѣла въ ней свою родственницу.“

„Когда мой братецъ возвратился къ своимъ родителямъ; то Маркизъ, отецъ его сдѣлалъ ему самыя чувствительные упреки, изъяснясь, что онъ больно оскорбилъ его, дерзнувшій заключить бракъ безъ его согласія, и даже не оказалъ желанія объ немъ его предъувѣдомить; особливо бракъ съ дѣвицею человѣка столь злобнаго и столь мстительнаго, какъ Солано, хотя и признаетъ онъ въ Аделаидѣ самыя рѣдкія достоинства. Тетушка моя, которая такъ же его бранила, просила однако жъ своего супруга о прощеніи сына; и Себастіанъ, обнявъ ихъ колѣна и описавъ имъ добродѣтели свой возлюбленной, съ нѣкоторымъ трудомъ наконецъ получилъ оное. Тогда дядюшка увѣдомилъ его, что Солано затѣялъ противъ него дѣло; онъ приказалъ ему не жить въ Локарно до тѣхъ поръ, когда окончится сія тяжба, съ обѣщаніемъ являться за него вездѣ, гдѣ будетъ потребно, и покровительствовать какъ ему, такъ и Аделаидѣ, которую теперь щитаетъ своею дочерью, противу бѣшенства и угнѣтеній злобствующаго, Графа. По этой то причинѣ братецъ къ намъ пріѣхалъ; онъ съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидаетъ рѣшенія, начатаго противъ него, дѣла.“

„Вотъ, моя любезная Пальмира! подлинная исторія любви Себастіановой съ тою молодою дамою, которой ты видѣла портретъ. И такъ, по снисходительности своей, ты не станешь меня укорять, что я скрывала ее отъ тебя, во первыхъ для твоего собственнаго спокойствія, во вторыхъ для того, что должно опасаться, что бы какъ ни будь не узнали, куда онъ удалился. Теперь, зная все, помысли сколь онъ не щастливъ въ разлукѣ съ тою, которая ему милѣе всего на свѣтѣ, и, не имѣя для своего утѣшенія ничего болѣе, кромѣ этаго драгоцѣннаго изображенія обожаемой супруги, которое хранитъ онъ всегда у своего сердца.“

ГЛАВА. V.

„Повѣствованіе Розаліи, моя любезная Миссъ, открыла только глазамъ моимъ всю глубину пропасти, въ которую безразсудная любовь меня ввергнула. Чѣмъ болѣе старалась я преодолѣть свою склонность, тѣмъ болѣе слабость моя отнимала силу у разсудка; и милой Маркизъ оставилъ столь глубокое впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, что я не могла льститься когда нибудь торжествовать надъ собою.“

„Розалія, горя нетерпѣніемъ возвратить своему любезному брату его коробочку, оставила меня размышлять о важности его исторіи, поспѣщая успокоить того, которой, противъ своего желанія, возмущалъ все мое существо.“

„Вскорѣ душевная и тѣлесная болѣзнь моя сдѣлалась опаснѣе; въ слѣдующую ночь впала я въ такой бредъ, которой заставилъ страшиться о моей жизни. Не знаю, сколько времени была я въ такомъ положеніи; но первые предметы, которые я увидѣла, какъ скоро опомнилась, были Розалія и Маркизъ, оба сидѣвшіе возлѣ моей постели. Маркизъ смотрѣлъ на меня съ нѣжнымъ состраданіемъ! Онъ, казалось, былъ глубоко тронутъ моимъ горестнымъ состояніемъ; началъ со мною говорить тономъ самымъ ласковымъ и утѣшительнымъ, стараясь меня ободрить; поздравлялъ меня съ благополучнымъ возвращеніемъ чувствъ, и выражалъ подлинно горячее желаніе о скорѣйшемъ возстановленіи моего здоровья. Милая моя Розалія обнимала меня въ радостномъ восторгѣ, какъ скоро увидѣла пришедшую въ себя. Когда Маркизъ простился со мною; то она сказала, что я, послѣ страшнаго бреда, впала въ такой глубокой, почти смерти подобной, сонъ, которой продолжался цѣлыя пять дней и пять ночей, и въ которой она ни на часъ отъ меня не отходила, и что Маркизъ разъ по шести въ сутки присылалъ обо мнѣ освѣдомляться, и при томъ всякой день приходилъ самъ, изъявляя скорбь свою, которую причинялъ ему видъ моего печальнаго положенія.“

„Нѣжная заботливость и горячее усердіе, замѣченныя мною въ особѣ Маркиза, заставили меня безпокоиться, что, можетъ быть, Розалія открыла ему подлинную причину моей болѣзни; увѣряя себя въ этомъ, тайно рѣшилась я убѣгать его присутствія; но образъ его вездѣ меня преслѣдовалъ; вездѣ, казалось, слышала пріятной его голосъ; и сладостныя надежды, которыя душѣ моей начали представляться, соединяясь съ горестною мыслію, что онъ женатъ, разтворяли такой ядъ въ моемъ сердцѣ, что мнѣ становилось тягостнымъ мое существованіе.“

„На помощь мнѣ подоспѣваетъ вѣра, которая и внушаетъ мнѣ рѣшительное намѣреніе удалиться отъ свѣта, что бы скрыть противозаконную страсть свою въ какомъ нибудь божественномъ убѣжищѣ, гдѣ я надѣялась погасить ее, ведя строгую набожную жизнь. Когда сообщила я такое намѣреніе своимъ родителямъ; то они всѣми силами старались меня отъ него отвратить, ссылаясь на то, что не дали мнѣ воспитанія, согласнаго съ монастырскимъ образомъ жизни, что я конечно скоро приду въ раскаяніе, принявъ на себя такое, не соотвѣтственное истиннымъ склонностямъ, званіе; потому что всегда видѣли во мнѣ привязанность къ свѣту; что это желаніе ни что иное есть, какъ слѣдствіе изнеможенія и тоски, которыя произвели во мнѣ частыя, съ нѣкотораго времени начавшіяся, припадки; но что я, какъ они надѣются, съ употребленіемъ нѣкоторыхъ развлеченій оставлю такое предпріятіе, котораго исполненіе заставляетъ ихъ страшиться, что бы я не сдѣлалась нещастною. Я приступала къ нимъ, увѣряя ихъ, что давно уже чувствую отвращеніе отъ свѣтской жизни и что изнемогаю подлинно отъ грусти.“

„Мое желаніе удалиться отъ міра, вскричала я, есть божественное внушеніе; оно всякую минуту призываетъ меня служить Богу въ его святилищѣ: естьли отвергнете мою просьбу, о родитель! о родительница! то увидите меня самымъ злополучнымъ твореніемъ и, можетъ быть, услышите, проклинающую минуту моего рожденія. . . ." При сихъ послѣднихъ словахъ скрыла я лице свое подъ покрывало отъ виновниковъ дней моихъ. Онѣ произвели надъ ними желаемое дѣйствіе; я знала ту власть, которую вѣра имѣла надъ ихъ разумомъ; они согласились на мое требованіе."

"Графиня де Монтальдъ, мать моя, имѣла весьма высокое мнѣніе о монастырѣ Св. Агнесы, въ Лангедокской Провинціи, которой заключалъ многихъ знатныхъ дамъ, бывщихъ съ нею въ знакомствѣ, когда была молода. Она желала, что бы я предпочла его другимъ, хотя онъ отстоялъ отъ насъ и очень далеко. Я охотно приняла такой выборъ, въ тѣхъ мысляхъ, что чѣмъ далѣе буду находиться отъ Маркиза, или отъ мѣста его пребыванія, тѣмъ легче выдетъ для меня; естьли не забыть его совершенно; то, по крайней мѣрѣ, обладать собою и даже истребить свою нещастную страсть."

„Съ этой минуты я ощутила въ себѣ неизъяснимую радость; отдохнувшее сердце мое услаждалось двоякою мыслію, что я стану вкушать Христіянское душевное спокойствіе, и что тамъ погребу такую тайну, которой теперь начала стыдиться; я очень остерегалась подать своимъ родителямъ подозрѣніе о, прискорбномъ для нихъ, моемъ пристрастіи къ уединенію, "

„Въ минуту моего отъѣзда въ монастырь Св. Агнесы, батюшка и матушка покусились въ послѣдній разъ уговорить меня при нихъ остаться; они повторили свои прежнія убѣжденія; но увидя, что я была непоколэбима въ твердой своей рѣшительности, подумали, что я подлинно получила внушеніе отъ Всемогущаго Божества. Они благословили меня, и наше прощаніе было весьма трогательно. Я просила вручить милой своей Розаліи оставленную къ ней записку, въ которой увѣдомляла ее о вѣчной нашей разлукѣ, не давъ однако жъ знать о мѣстѣ моего убѣжища, и извинялась, что таила отъ нея свое намѣреніе удалиться въ монастырь, бывъ увѣрена, что ея ко мнѣ дружба нашла бы тысячу средствъ меня остановить. Я клялась, что воспоминаніе объ ней уношу въ сердцѣ своемъ, и что она не перестанетъ быть нѣжнымъ моимъ другомъ до послѣдняго вздоха жизни. Входя въ карету, я почувствовала вдругъ какой то страхъ и дрожаніе въ колѣняхъ; однако жъ не дала этого замѣтить, и лошади меня помчали. Въ семъ состояніи пребывала я только нѣсколько минутъ, по прошествіи которыхъ погрузилась въ такую меланхолію, ни когда уже меня не оставлявшую.

„Я переѣхала Альпы безъ всякаго приключенія, какія обыкновенно встрѣчаются въ сихъ горахъ. Я знала это напередъ; но умъ мой столько былъ занятъ своимъ собственнымъ положеніемъ, что отводилъ отъ меня всѣ страхи; онъ даже, при окончаніи сего пути, не далъ мнѣ свободнаго времени заняться разсмотрѣніемъ живописныхъ и восхитительныхъ картинъ, которыми природа въ безчисленномъ разнообразіи украсила сіи величественныя мѣста; зрѣлище, которое во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, исполнило бы душу мою живѣйшимъ восторгомъ: мое уныніе не могло быть развлечено ни на одну минуту, и я печальная пріѣхала въ монастырь Св. Агнесы; гдѣ принята была отъ Игуменьи со всѣми знаками нѣжной обо мнѣ заботливости; а новыми подругами съ изъявленіями живѣйшей радости и искренней дружественности.“

„Я желала принять священное покрывало, вскорѣ послѣ моего прибытія, не дожидаясь окончанія годоваго искуса; но изъ боязни вдругъ огорчить своихъ родителей столь рѣшительнымъ поступкомъ; по тому что съ великимъ трудомъ согласились они отпустить меня, и въ той надеждѣ, что я скоро соскучу строгою, уединенною жизнію, принуждена была довольствоваться принятіемъ на время платья послушническаго. Съ этой минуты, казалось, я почувствовала себя облегченною отъ тягостнаго бремени своей страсти, которая, постепенно бывъ ослабляема чрезъ рачительное исполненіе монастырскихъ обязанностей, а особливо чрезъ употребляемыя мною, усилія изгладить изъ ума всѣ суетныя мірскія помышленія, подавала мнѣ надежду получить со временемъ совершенное спокойствіе. Но какъ далека была я отъ того, что бы знать напередъ всю жестокость моей участи! что бы предвидѣть, что самое убѣжище, избранное мною для погребенія въ немъ своей тайны и злополучной любви, выдетъ для меня такимъ загорѣвшимся мѣстомъ, котораго искра зажетъ въ моемъ сердцѣ, новой огнь сильнѣйшій, нежели какого я была добычею! Какъ была я наказана за притворство передъ своею милою Розаліею! Естьлибъ я съ нею посовѣтовалась до моего отъѣзда; тогда бы дружба ея вѣрно извлекла бы меня изъ опасности, ожидавшей въ монастырѣ Св. Агнесы.“

„Съ самой минуты моего вступленія въ этотъ монастырь, не вольнымъ образомъ была я увлечена вниманіемъ ко мнѣ одной молодой монахини, которая набивалась даже подружиться со мною; всякое утро приходила она ко мнѣ въ келью, и разсказывала, что бы развлечь мою скуку, множество исторій, ей извѣстныхъ, или вымышляемыхъ на щетъ всѣхъ, жившихъ здѣсь, особъ, кромѣ одной, въ обстоятельствахъ которой, казалось, принимала самое нѣжное участіе, и которой, по видимому, осторожность предохраняла ее отъ ея маленькаго злорѣчія. Однакожъ это не помѣшало мнѣ свѣдать отъ ней, что сія особа, которой я не видала еще, была Италіянка, племянница Игуменьи, и пансіонерка въ монастырѣ; что она была больна очень опасно и едва было не лишилась жизни; но теперь выздоравливаетъ и начинаетъ приниматься за монастырскія занятія, въ которыхъ трудилась на ряду съ другими до своей болѣзни. Однажды пришла она мнѣ сказать, что сія молодая дама, замѣтивши меня въ церквѣ, освѣдомлялась обо мнѣ, и какъ скоро сказали ей, что я Италіянка; то изъявила желаніе со мною познакомиться; она прибавила, что ей поручено попросить меня придти въ ея комнату. Я охотно приняла такое приглашеніе, обрадовавшись, что буду вести знакомство съ особою моей націи, съ которою могу, по крайней мѣрѣ, обращаться на природномъ языкѣ; при томъ узнала такъ же отъ молодой Монахини, что она съ великою трудностію объяснялась по Французски; вотъ чему приписала я, наблюдаемую ею до сихъ поръ необыкновенную скромность.“

„Когда доложили ей, что Италіянская Новиціатка желаетъ съ нею видѣться; то она съ поспѣшностію вышла меня принять. Она была подъ покрываломъ, по обыкновенію Италіяночъ, и первая начала говорить при томъ на природномъ своемъ языкѣ. — Я отвѣчала ей на немъ же; и, послѣ нѣкоторыхъ, сдѣланныхъ мнѣ, привѣтствій, она повела меня въ свою комнату, гдѣ просила сѣсть; сдѣлала сама тоже и подняла свое покрывало, что бы начать со мною разговоръ . . . . Сіе послѣднее движеніе поразило меня, какъ бы громовымъ ударомъ; я остолбенѣла, имѣя глаза, устремленные на ангельское лице . . . . Въ смущенныхъ своихъ чувствахъ желала я, что бы видимое мною было, призракъ; но мнѣ очень были памятны черты миніатюрнаго портрета, заключавшагося въ коробочкѣ Маркиза, и я не сомнѣвалась болѣе, что вижу предъ собою нещастную Аделаиду, обладавшую сердцемъ того, къ которому одному горѣло мое. . . . . Тогда новое смятенiе произошло во всемъ моемъ нравственномъ существѣ; страсть моя запылала такимъ огнёмъ, которой никогда такъ жестоко не пожиралъ меня, и нѣсколько минутъ пребывала я въ нѣкоторомъ родѣ съумасшествiя, которое возмутило чувствительность сей молодой привлекательной женщины; ей конечно казалось, что она видѣла передъ собою непримиримую свою непрiятельницу.“

„Пришедши въ память и разсудокъ, я увидѣла себя въ объятіяхъ Аделаиды; „пожалѣйте обо мнѣ, „Синьора,“ вскричала я, „но не питайте ко мнѣ ненависти! Я полюбила Маркиза де Сентъ-Беральти, не вѣдая, что онъ супругъ вашъ: не огорчайтесь моимъ признаніемъ! Никогда не зналъ онъ, сколь глубоко образъ его впечатлѣлся въ моемъ сердцѣ.“ Тутъ разсказала я подробно о нещастной своей страсти, и какъ на конецъ узнавши, что Маркизъ соединенъ съ нею священными узами брака; рѣшилась оставить свою родину, друзей, и даже родителей и окончить жизнь въ отдаленномъ монастырѣ, что бы никогда не видѣть и забыть, естьли будетъ можно, того, кого любила безъ всякой надежды. „О Синьора“! продолжала я, рыдаючи, „пожалѣйте о безъутѣшномъ состояніи, въ какомъ меня видите! . . . Стѣсненное сердце мое чувствуетъ въ теперешнюю минуту такую тоску, которая въ тысячу разъ лютѣе всѣхъ горестей, какія только могутъ всѣ вмѣстѣ терзать его. . . .“

„Тутъ удалилась я въ свою келью и легла въ постель; но я рвалась въ тоскѣ своей, и во всю ночь ни на минуту не могла успокоиться. Душа моя была въ несказанномъ волненіи; тысячу мыслей приходили мнѣ въ голову, одна за другою, и разумъ мой ни на одной изъ нихъ не въ состояніи былъ остановиться. Насталъ день, а я ни на что еще не рѣшилась. Я желала перемѣнить мѣсто убѣжища, намѣревалась просить на это позволенie: но подъ какими предлогами, которые могли бы казаться правдоподобными? Возвратиться въ Италiю, съ душею, занятою Маркизомъ, это увеличило бы и на всю жизнь продлило бы мои мученiя; оставаться въ монастырѣ Св. Агнесы. . . . Но короткое время, здѣсь мною проведенное, убѣдило меня въ невозможности погасить когда нибудь, пожиравшiй меня, огонь: любовь возрастаетъ въ уединенiи, что я испытала столь жестокимъ образомъ; я начинала даже бояться, какъ бы не рѣшиться на самое ужасное; потому что отшельническая жизнь питала во мнѣ такiя мысли, которыя напрасно старалась истребить. . . . Однако жъ, такъ какъ я почти насильственно заставила своихъ родителей удовлетворить моему желанію, и не хотѣла, что бы друзья мои узнали когда нибудь о моемъ дурачествѣ, отложила я всѣ сіи размышленія и, на зло себѣ самой, приняла твердое намѣреніе продолжать свои страданія, каковы бы онѣ ни были, наконецъ перемочь свою роковую страсть и, какъ можно, скорѣе произнести свой обѣтъ, не дожидаясь окончанія послушническаго времени. Одно только меня останавливало въ совершеніи сего послѣдняго предпріятія; это былъ страхъ, чтобы мои родители, скорбя о потѣрѣ единственной своей дочери, или, вознегодовавъ на неуважительное ускореніе столь рѣшительнаго дѣйствія, не употребили всей своей силы, для уничтоженія, произнесенныхъ мною безъ ихъ согласія, обѣтовъ. И такъ я почла за благоразумное дѣло просить ихъ объ немъ такъ, что бы не могли они отказать, зная, какъ упоминая прежде, надъ суевѣрнымъ ихъ умомъ власть всего, что только относилось къ Религіи. Побуждаемая произвести въ дѣйство сію мысль, я написала письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Дражайшіе мои родители! „Гордитесь желаніемъ единственной вашей дочери! Я „оставила міръ, вступя съ

„радостію въ монастырь Св. „Агнесы. Служа въ немъ Богу, „я чувствую небесное наслаж„деніе, какое могутъ ощущать „однѣ чистыя души. Но одного „не достаетъ еще къ соверше„нію моего щастія, о достой„ные родители! Вы поставили „меня на путь, ведущій къ „верховному блаженству, кото„рое горю желаніемъ раздѣлять „съ небесными Ангелами; вамъ „однимъ обязана я славою, что „иду по этому пути, для ско„раго полученія сего блажен„ства узрѣть себя въ числѣ „непорочныхъ невѣстъ Того, „Кого вы обожаете; Того, Кто „призываетъ меня дать Ему „клятву не возвратную, и Кто „однакожъ видитъ, искренни, „или нѣтъ, жертвы, посвящае-

„мыя отъ всѣхъ насъ ему на служеніе. . . . И такъ поспѣшите
„утвердить вѣчное благо для вашей дочери, увѣривъ ее въ своемъ согласіи на обѣты, которые пылаю нетерпѣніемъ произнесть у подножія Святаго Олтаря, гдѣ священная рѣвность, внушенная благимъ Ангеломъ, обѣщала ему принести сію благочестивую жертву.“

„Не медлѣнно отправила я свое письмо, какъ скоро его окончила; но безпокойная нетерпѣливость узнать, будетъ ли благопріятенъ отвѣтъ, тревожила меня самымъ несноснымъ образомъ: однако жъ въ короткое время замѣтила, что буря въ душѣ моей начала утихать; я столько уже имѣла власти надъ своею любовію къ

Маркизу, что рѣшилась быть другомъ прекрасной его супруги, принявъ это за лучшее средство предохранять себя отъ воспламененія еще терзавшей меня страсти.“

Конецъ второй Части.

~~~~~~
~~~~~~

z

LIBRARY OF CONGRESS

0 014 527 106 A